

СОУЗНИИЯ ФЕЛИКС ЧЕЧИК

СОЧИНЕНИЯ ФЕЛИКС ЧЕЧИК

Издательство «Синяя гора» · 2025 · Москва

УДК 82-14
ББК 84(2=411.2)6
Ч-57

Чечик Ф.
Ч-57 Сочинения / Феликс Чечик. — М. : Синяя гора; Саратов : Амирит,
2025. — 260 с.
ISBN 978-5-00207-819-6

УДК 82-14
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-00207-819-6 © Ф. Чечик, стихи, 2025
© Издательство «Синяя гора», 2025

Жене

Необязательное предисловие

Совершенно согласен с необязательностью всяческих преди-(после-)словий, в том числе и к обширному избранному за четверть века. Но такова традиция, а я её чту.

Что ж: место рождения — Пинск. Белоруссия. А нынче — Беларусь. Но по причине того, что я уже тридцать семь лет как покинул берега Пины-Припяти, остановимся на первом. Не поверяя гармонию алгеброй (в которой я ничего не смыслю, начиная со школьных времён и с пресловутых «бассейновых задач»), важно отметить, что полесские четверть века — не пустой для моего сердца звук.

Советско-пинское детство, которое пришлось на 60–70-е годы, мало чем отличалось от других детств моих провинциальных ровесников на всей территории СССР: одно-/двухэтажный роддом, детсад (в моём случае — всего месяц-полтора, точно не помню — из-за того, что бабушка была на пенсии и не работала), школа, двор, спортивные кружки...

Тогда — в мои 5-6 лет — бабушка мне казалась очень старым человеком. Но сейчас, сделав нехитрый арифметический подсчёт (с этим я еще кое-как справился), я с удивлением обнаружил, что мы с ней сейчас погодки.

Проказничая и шая, я доводил её до сердечных приступов. После чего капал в гранёный стакан валокордин.

Это сейчас, спустя многие годы, мне представляется верхом бестактности и глупости, но тогда — обращение к бабушке: «Научи меня готовить твои вкусные котлеты — ты умрёшь, кто же мне их будет делать», — мне таковым не казалось.

Часто и подолгу я любил слушать её рассказы об эвакуации в 41-м году в город Турткуль (Каракалпакская АССР): на руках четверо детей мал мала мень-

ше, одна без мужа (муж умер незадолго до войны). Особенно врезались в память два эпизода: Амударья вышла из берегов, и бабушка, стиравшая в реке бельё и упавшая в реку, чудом не утонула. И второй: голодая и не в силах прокормить четверых детей, бабушка тайно купила ишачье мясо. Ночью приготовив из него пирожки — под видом говяжьих продала на базаре. Улетели моментально! Учитывая, что это Средняя Азия, а мясо ишака строго-настрого в мусульманской стране запрещено употреблять в еду, она очень рисковала. Но, слава богу, обошлось.

Подростком, когда я решил стать прозаиком или драматургом (точно не помню, но не поэтом — определённо), вооружившись «амбарной книгой», я на протяжении нескольких недель ходил к бабушке в больницу, где она в очередной раз лежала в сердечном отделении, и тщательно записывал её жизнь, мучая и требуя всё новых и новых рассказов с подробностями и деталями. И бабушка, вздыхая и вытирая слёзы, вспоминала, с трудом говоря по-русски и переходя на идиш.

Эпос или драма были начаты, но брошены ещё в самом начале. Спустя многие годы — уже после смерти бабушки — я долго искал эти записи, но так и не нашёл.

Сейчас — перечитав написанное — я усомнился в том, что это предисловие, — скорее автобиография, но душевная потребность непременно вспомнить бабушку меня, надеюсь, извиняет.

Что ещё? Конечно, родители, старшая сестра, друзья, юношеские влюблённости, первые стихи, «слесарка» на судоремонтном заводе, литературное объединение «Орбита» при городской газете «Полесская правда», служба в СА, женитьба на удивительной девушке, которая уже на протяжении многих лет по совместительству — Муза, рождение детей, перестроечная Москва, учёба в Литературном институте, стажировка в Институте славистики Кёльнского университета, собраться по «перу и стакану», репатриация в Израиль...

Так или иначе — всё это есть в моих стихах. Являются ли факты биографии автора необходимым и достаточным топливом для них — вопрос, может быть, для кого-то и спорный, — для меня это очевидно. Я убеждён, что это сообщающиеся сосуды (бассейны).

В очередной раз убедившись в необязательности предисловия, с благодарностью вверяю свою книгу читателю и умываю руки.

Феликс Чечик

СОЧИНЕНИЯ

(1998–2025)

Не подавая виду,
страдаю от тоски.
Сегодня в ночь я выйду,
остановлю такси.
Умчи меня — бесплатно, —
стихами оплачу,
я не хочу обратно,
таксист, я не хочу.
Посмотрит как-то странно.
Поймёт — мои карманы,
увы, совсем пусты.
Таксист — весёлый малый:
— Ну что ж, садись, пожалуйста.
Он «Примой» угостит.
Я затанусь поглубже,
едва раскрою рот,
и — в тот же миг закружит
стихов водоворот.
Тоски как не бывало!
Читаю час подряд!
А он упрямо: — Мало,
подбавь ещё стишат. —
И голосом охрипшим
читать я буду вновь.
И станет в мире тише
от сумасшедших слов.
...Таксист махнёт рукой
и в ночь укатит дальше.
Счастливым и уставшим,
я поплечусь домой.
А дома мама спросит:
— Где был?
                    Ответить как?
Скажу невнятно: — Осень.
Таксист. Стихи. Тоска.

1979

Муравейник (2008)

---

1. Детство

Язык воспоминаний сух —
трепаться влом:
там краской меченый петух
глядит орлом,
там клёв подлёдный на реке
на мотыля,
и все — дурак на дураке —
учителя.
Из самопалов, как в кине
поднять стрельбу.
И ночь с отцом наедине,
с отцом в гробу.
«Всё отболело, утряслось,
забудь, как сон!»
Я в этой жизни только гость
из тех времён.

2–7. Школьный вальс

1

Камень, ножницы, бумага,
камень, ножницы, бумага,
камень, ножницы, бумага —
на кону стоит герла.
Недотрога и кривляка
старшекласснику дала.
Всё смешалось: боль и злоба,
пидманула-пидвела,
пьют, отвергнутые оба,
бормотуху из горла.

2. Записка

След несмываемый на пальце
от фиолетовых чернил;
до умопомраченья пяляся,
глазей, как друг тебя учил.
Он спец — он по глазам читает,
его никто не проведёт...
И тает, тает, тает, тает
надежда, как весенний лёд:
в её руках твоя записка,
в её руках твоя судьба...
Свободен! На галерах Пинска
несчастней не было раба.
Свободен, как весенний ветер,
свободен, как индеец Джо.
И жить на этом белом свете
суицидально хорошо.

3

Неравная борьба.
Ах, Дунька Кулакова!
Выдавливает раба
по капле, чтобы снова
над фоткою рыдать
коленипреклоненно,
ни думать, ни гадать,
как вырваться из плена.

4. 10-й «Д»

У физички Галины Петровны:
«Умоляю тебя: ни-ни-ни —
никому! Обещай!» — хладнокровно
лифчик правой рукой расстегни,

левой, где голубеет наколка, —
проторённой тропинкою вниз;
табуретка не вынесет долго
дверь удерживать — поторопись.
Восемь лет ещё до перестройки,
год до зоны — доверься судьбе...
Круглый двоечник твёрдую тройку
обеспечил за четверть себе.

5

На пронзительной ноте прощальной,
персонажем из чеховских пьес
умереть — оттого, что прыщами
навсегда изуродован фейс.

Жизнь окончена — скоро пятнадцать,
застрелиться, и делу конец.
Будет знать, как с другим целоваться
одноклассница Н. Власовец.

6

Да мало ли, что остановит.
Да мало ли, что тормознёт.
Портфель в сугроб.

Смотреть, как ловит
рыбак, и видеть рыб сквозь лёд.

Успеть к уроку еле-еле,
на парту грохнуться без сил,
вытряхивая из портфеля,
снег, посиневший от чернил.

И сочинить отмазку — типа
что встретил инопланетян.
И плавать у доски, как рыба,
в правописании -ан (-ян).

8

Парк культуры и отдыха. Лето.
Воскресенье. Салют над рекой.
Я почти что на небе, а где-то
там, внизу, муравейник людской.

Как гирлянды развешены звёзды,
хочешь — выключи, если не лень.
И на „Шипре“ » настоящий воздух
только портят цветы и сирень.

И, от запахов этих пьянея,
я уже не боюсь ничего.
Жизнь прекрасна у папы на шее
лет за двадцать до смерти его.

9–10. Морские и пресноводные

1

И — как ветер листву — вдруг сорвал, завертел
и унёс неизвестно куда,
так носила меня моя жизнь, а затем
поглотила речная вода.

И лежу я на дне и дышу через раз,
косяком проплывают века;
и спускается ночью ко мне водолаз
потрепаться и выпить пивка.

Обсудить то да сё, никуда не спеша,
и о том поболтать и о сём,
и забыть про печаль, даже если душа
проплывёт над тобою, как сом.

И не думать, что где-то рыдает жена
и что дети устроили пир;
и дышать через раз, посылая всех на
три весёлые буквы, как мир.

2

Глубоководный водолаз
давно не выходил на связь —
дней пять, включая воскресенье.
Пока на самом дне лежал,
он вырастил подобье жабр
и хвостовое оперенье,
решившись раз и навсегда
остаться здесь, в потустороннем:
покой, зелёная вода
и никого из посторонних.
А безутешная вдова
сперва поплачет месяц-два,
но вскоре выйдет за другого.
Плевать на всё и растереть!
Пуская пузыри, балдеть,
прощая всех со дна морского.
Из амфоры тянуть вино.
Беседовать с самим собою
и думать, думать, думать о —
вечности под шум прибоя.

11

Дождю спасибо — усыпил.
Спасибо птице — разбудила.
Я на отечество забил,
которое меня забыло.
По вечерам смотрю в окно
на сумрачную Палестину;
и сказки русские давно
я не рассказываю сыну.
Он шпарит на иврите, как
мне и не снилось: — Аллилуйя!
По телевизору «Спартак»
продул «Баварии» вчистую.
А мне и дела нет. Дебил!
Ещё недавно лез без мыла!
Дождю спасибо — усыпил.
Спасибо птице — разбудила.

12. У моря

Распят на солнцепёке
и зноем пригвождён,
невидимые токи
летят со всех сторон.
Как если бы к обеду, —
скорей — на торжество,
гурману-людоеду
готовили его.

13

Петушок на палочке
стоит 8 коп.
Траурные саночки
тащат в гору гроб.

Бабка повивальная
плачь за упокой.
Счастье самопальное
тает за щекой.

14

С. М.

Играет пианист в квартире,
где останавливался Блок.
Ещё по сто, чтоб воспарили
и вознеслись под потолок.

А там под потолком, где громко
не распинается фоно,
загадочная Незнакомка
прогуливалась в домино.

Одна! Без спутников, как раньше,
чуть постаревшая, но ей
к лицу сегодняшняя Russia
и тусклый отблеск фонарей.

Она глядит из-под вуали
глазами полными любви.
И отражается в бокале
безалкогольного аи.

И в полночь возле ЦДЛ'а,
как горностаевым манто,
укутавшись метелью белой,
умчит с клиентом на авто.

А лабух не заметил даже
её присутствия, пока
парил в очередном пассаже
на мноооооого выше потолка.

15. Перелётная птица

А. А.

Лето красное пропела,
за окном декабрь, блядь,
в результате залетела
к орнитологу в тетрадь,
где застряла до весны —
больно клеточки тесны.

16

Меня будильник не вернул с того на этот свет,
и звон, переходящий в гул, почти сошёл на нет.

— Поторопись, — сказал отец, — иначе навсегда
ты здесь останешься, глупец, до Страшного суда.

Ты задержался, и теперь — одна, всего одна,
и та полузакрота дверь, ведущая из сна.

Я помогу тебе, но ты имей в виду, сынок:
вернувшийся из темноты смертельно одинок.

И в этом нет ничьей вины. Ты сам того хотел...
И ангел голосом жены «Шма Израэль» пропел.

17

А. А.

Исповедуясь перед
тонкой книжкой стихов,
мальчик искренне верит
в отпущенье грехов.

И тяжёлая лира
сквозь забвенье и тьму
от большого кумира
переходит к нему.

18. Из жизни фауны и флоры

Собака, нюхая цветы,
как все, взыскует красоты.

Не лезет в драку и не воет,
пьяна от маков и левкоев.

Бегонии и львиный зев
рассматривает, обалдев.

Пыльцой, как охрой, перепачкан
прохладно-мокрый нос собачий.

И лает бабочке вослед
благоухающий букет.

19

А. Б.

Тучи по небу летали
взад-вперёд, туда-сюда,
драматических баталий
быстроходные суда.

И палили без разбора
по чужим и по своим,
чтобы выдохнуться скоро
и рассеяться, как дым.

Небо светло-голубое.
Бесконечен окоём.
Только птицы после боя
мародёрствуют на нём.

20

Куда вы, муравьи?
Умерьте вашу прыть,
вам никогда, увы,
плевка не переплыть.

Но, как всегда, смельчак
найдётся хоть один:
горит огонь в очах,
бурлит адреналин.

Уже маяк погас
и смолк собачий лай.
Контр-адмиральский brass
сменяет баттерфляй.

Плевать, что по домам
давно все разошлись.
Пьёт за прекрасных дам
Эгейское Улисс.

21. Королёв

Лети! Мой палец Байконур.
Минутная готовность. Скоро
объявят небу перекур,
и брызнут слёзы у дублёра.

Пусть ты обыкновенный жук,
каких полным-полно в природе.
Мотора пламенного звук
на рык звериный переходит.

— Поехали! Потом твою
растиражируют улыбку.
А я у бездны на краю
стою без права на ошибку.

22

В марихуанном, и не только,
раю, где время быстротечно,
ты задержался ненадолго,
но оказалось, что навечно.

За стойкой бара Коля, Ося,
Марина, Жоржик, Боря, Аня.
Бармен поглядывает косо
на отражения в стакане.

Бедняга не уразумет,
что у поэтов есть обычай
переходить, когда стемнеет,
с мирского языка на птичий.

И не оплёвывать, напротив —
любить от всей души друг друга.
А в это время, между прочим,
в Сокольниках бушует вьюга.

А на Тверском бульваре крыши,
как ты просил, Господь пометил,
и театральные афиши
до дыр зачитывает ветер.

И на Ваганьковском у брата
цветёт искусственная роза.
И так желанна, так чревата
запоём рюмочка с мороза.

Москва не то чтобы икает,
но помнит старую обиду.
И оберег не помогает,
а так — болтается для виду.

23

А на просвет кленовый лист,
как детская ладонь,
дай пять — я тоже фаталист,
и светит мне огонь.

Ну, а покуда дождь. Пока-
мест дворник, матерясь,
извёл почти полкоробка,
не уничтожив нас,

закружим в танце вопреки,
а не благодаря,
под аккомпанемент реки,
при свете фонаря.

24. Она беременна...

Плевать, что люди смотрят косо
на округлившийся живот,
и рвота — признак токсикоза —
её страданья выдаёт.

Но по ночам, когда не слышно
пустопорожних голосов,
вдвоём с ребёнком — третий лишний —
они беседуют без слов:
о бесполезности искусства,
о неуютности Земли,
о Рерихе и Заратустре,
о Баратынском и Дали.
Он всё на свете понимает,
не осуждает, не клянёт,
и в знак согласия кивает,
и быстрой ножкой ножку бьёт.

25

Мне ветер рот законопатил
и выколол глаза песок.
Но я от ужаса не спятил —
я просто говорить не мог.

Лечу, не думая о стропах
и не завидуя живым.
Я сам хотел — я не прохлопал
воспользоваться запасным.

Лечу, раскинув крылья-руки,
как небо, бледно-голубой.
И не нарадуюсь разлуке
с самим собой, с самим собой.

Что нам Рим, если Рига под боком.
Поспешим — начинается рано
старый спор человечества с Богом
при посредничестве Иоганна.

Жизнь проходит от оха до аха.
Бах умолк. Только спор не закончен.
Не смиряет гордыню рубаха,
плаха — лечит, но тоже не очень.

Мой товарищ, до смертного мига
будем жить беспечально и бражно.
Рим сегодня стал ближе, чем Рига,
и дешевле, но это неважно.

Важно то, что январскую вьюгу
и разлуку, и радость, и горе,
мы сыграем, как если бы фугу
Е. Лисицина в Домском соборе.

27

Нас двое — третий лишний.
Недавно ли? Давно?
Пока я спал — ты вышел
в январское окно.

Ты вышел и обратно
не возвратился в дом,
но погостил у брата
и свиделся с отцом.

Покуда вам крутили
забытое кино,
шабашники забили
январское окно.

Потом они забили
на всё и стали пить,
и пили, пили, пили,
не в силах прекратить.

А протрезвев, молчали
и пилились в окно;
и по столу стучали
бесшумным домино.

Цвели и пахли розы,
благоухал «Агдам»
в крещенские морозы
на речке Иордан.

28

Точно по Соколову,
Соколову В. Н.,
птица певчая слову
прилетела взамен.

И уселась на ветку,
и поёт как в раю.
А художника в клетку
посадила свою.

Скользить на одной, про другую
забыть насовсем, навсегда,
вычерчивая и рисуя
фигуры на ватмане льда.

Чтоб взмыв в небеса в пируэте,
со скоростью сверхзвуковой
откупорить пробку бессмертья
садовой своей головой.

И там, в далеке распрекрадном,
«канадки» повесить на гвоздь,
где знак бесконечности красным
тебе начертать удалось.

30. Сестра

Потеряться и плакать навзрыд,
невпопад отвечать на вопросы,
ощущая бессилье и стыд
за свои несуразные слёзы.

Чтобы где-то минут через пять
отыскаться, ну прямо как в сказке,
и теперь ещё пуще рыдать,
но уже от счастливой развязки.

Папа молод. И мать молода.
Ровно год до рождения брата.
И мы едем незнамо когда —
знамо, что навсегда, без возврата.

31

Непредсказуемы вначале,
амбициозны как помреж,
летали ласточки, летали
и залатали в небе брешь.

Дождь прекратился. Только нитки
ещё торчали кое-где,
а солнца золотые слитки
уже растворены в воде.

И стало ясно, стало ясно, —
как водится, чуть погодя,
что жизнь по-своему прекрасна
на побегушках у дождя.

32

Лист сорвался, но кружит, как будто
не мечтал отдохнуть.
У бедняги в запасе минута
или больше чуть-чуть.

В крайнем случае три, если очень
подфартит, повезёт,
продлевая конвульсии, осень
свежий ветер наслёт.

А по мне — совершенно напрасно
он боится конца.
И ужасное будет прекрасно.
Как ты думаешь, а?

33

Не будем всё-таки о грустном,
а будем, глядя на огонь,
пить чай, не торопясь, вприкуску, —
глаза в глаза, ладонь в ладонь.

Из алюминиевых кружек
вылавливать чаинки и
печалиться, не обнаружив
в сердцах ни капельки любви.

А только странное желанье:
друг в друге раствориться, как
кусочек сахара в стакане
и самолётик в облаках.

34

Не за красивые глаза
и не за так, не безвозмездно,
когда разверзлись небеса,
тебя очаровала бездна.

И расцветал январский сад,
и прорастали ножки кресел,
а ближе к полночи медбрат
решёткой окна занавесил.

Один пустыни посреди.
А Моисей всё водит, водит.
Идут снега. Идут дожди.
И незаметно жизнь проходит.

35

Ты действительно думаешь, что
проживёшь без меня, дорогая?
Что уйдёшь налегке, без пальто,
улыбаясь, из нашего рая.

Понадеялся, что не уйдёшь.
Просчитался. Ушла, в самом деле.
И тебе аплодировал дождь
посреди января и метели.

36

Я сяду на троллейбус — «бэшку» —
и по Садовому кольцу,
с чужим народом вперемешку,
поеду к своему концу.

На полусогнутых, на слабых,
в последний путь, не в первый раз
подпрыгивая на ухабах
и в душной тесноте трясясь.

Свою отпраздновав победу,
не чокаясь, один в толпе,
трамвайной вишенкой уеду
в троллейбусе маршрутом «Б».

37

Ю. Н.

Я подарю тебе клетку,
в клетке поёт тишина,
на перекладину-ветку
с краю уселась она.

Чтобы ты слушала трели
и не печалилась зря
от середины апреля
и до конца декабря.

38

Спи, пограничник, вполглаза,
ты во вселенной один,
скоро из сектора Газа
заголосит муэдзин.

Доброе утро, Израиль!
Доброе утро, страна!
Поездом прямо из рая
по расписанию, на

небо надежду посеяв,
крестные муки суля.
И машинист Моисеев
в топку подбросил угля.

39

Мимо Ваганьково на 23-м,
жёлтом трамвае в Израиль уедем.

И краснопресненские тополя
обетованная сменит земля.

А на подошвах другая, конечно,
сколько не чисть — остаётся навечно,

сколько не мой — остаётся навек
грязно-солёный кладбищенский снег.

Юрий Давыдович, лет через восемь
с сыном приедем, прощенья попросим,

сами не зная за что и зачем,
чтобы уехать уже насовсем.

40

Отдохнуть от всего. Но сначала
от себя самого отдохнуть,
чтоб полночная птица клевала
моё сердце, усевшись на грудь.

Птица, птица, мне больно и сладко,
несмотря на скулёж и нытьё,
склюй, пожалуйста, всё без остатка
бестолковое сердце моё.

Чтобы дул сквозь отверстие это,
сквозь отверстие это в груди:
страшный ветер со скоростью света,
жизнь текла, и хлестали дожди.

41

Я выйду из леса. Я стану как вы,
точнее, прикинусь таким,
лишь на ночь снимая парик с головы,
с лица опротивевший грим.

На двух, чтобы не отличаться от вас,
я буду ходить, семена,
и только огонь непогашенных глаз
нет-нет да и выдаст меня.

Заплачет ребёнок в ночной тишине,
и мать не поймёт от чего,
бедняжка, она обратится ко мне,
чтоб я успокоил его.

И я колыбельную песню спою,
и он как убитый уснёт,
обняв по-звериному морду мою
и в тёплый уткнувшись живот.

42

Что там колышется на ветру?
Облако ли? Тростник?
К мысли, что я непременно умру,
я, как ни странно, привык.

Так себе мысль — пяточок на метро, —
для нумизмата — пустяк.
Но озверевшее сдуру зеро
шепчет: «Мы только в гостях».

И не татарин, но избранный жид,
из миллионов — один,
видишь, как сперматозоид бежит,
думает, что победил.

Но наследит — это наверняка, —
с вечностью накоротке.
Клином гусиным летят облака.
Ветер поёт в тростнике.

43

Не скакать перед ними на задних
и не лезть целоваться взапас,
но возделывать свой палисадник,
колдовать над вареньем из роз,
наблюдать за небесным светилом
в телескоп, потихоньку стареть.
И верёвку с хозяйственным мылом
так, на всякий пожарный, иметь.

44

Лыжня теряется вдали —
за горизонтом, там,
где нет желанья у земли
перечить небесам,

где сам Всевышний не поймёт,
кто мёртвый, кто живой.
И лыжник походя кивнёт
пилоту головой.

45

С высоты, и не птичьего даже,
а полёта простого шмеля,
растворён в подмосковном пейзаже,
как репейник какой-нибудь, я.

Зверобой, подорожник, крапива,
хвощ, полынь, василёк, лебеда.
Проплывают по небу лениво
туч недоенные стада.

И, когда унесёт электричка
в непролазные дебри Москвы,
сохранится надолго привычка
быть на голову ниже травы.

Пусть куражится спьяну Тверская;
но, от воздуха как во хмелю,
я иду по Ордынке, кивая
пролетающему шмелю.

За душой тишина вместо денег,
денег нет и не будет, дай бог.
Я в 2005-м — репейник,
а на будущий — чертополох.

46

Стихи о зиме
в середине июля,
застряли во мне,
будто в дереве пуля.

Болезнь — не болит,
но саднит еле-еле.
Цветением лип
пропитались метели.

47

Тебе не кажется, что время
остановилось навсегда,
и, не мигая, сквозь деревья
горит холодная звезда.

К тому, что сказано когда-то:
«Мы — дирижабли взаперти», —
добавлю, что прочней каната
мрак, поселившийся в груди.

Не плачь, любимая, не надо,
и дирижабль по четвергам
летает после звездопада
назло врагам.

Мы полетим с тобой, как птицы,
едва заслышав: «От винта!» —
чтоб никогда не возвратиться,
не возвратиться никогда.

48

Голубизна переходит
в светло-зелёное — цвет
моря на мысли наводит,
смерти, как видимо, нет.

От удивленья присвистни,
смерти не будет? Да-да!
Впрочем, как не было жизни
как таковой никогда.

49

Когда сомневался Мефодий
и не сомневался Кирилл,
язык, растворённый в природе,
на птичьём со мной говорил.

О чём-то пиликал кузнечик
на тоненькой скрипке своей,
и молча, в преддверии речи,
былинку тащил муравей.

50

Что касается грешного
моего языка —
вырву с корнем, сердешного,
и не дрогнет рука.

Чтобы больше не связывал
(нету связи прочней)
с пожелтевшими вязами
по-над речкой моей.

51

В. Г.

Три аккорда и не больше,
в лучшем случае — четыре,
но без них сегодня — боже! —
стало зябко в этом мире.

Стало зыбко и безмолвно,
стало пасмурно и сыро,
растерялись сразу — словно
потеряли командира.

Вдруг возникло ощущение,
что пришёл конец надежде,
и прощанье и прощенье
не рифмуются, как прежде.

Три аккорда. Мало? Много?
Разве в этом дело, если
безотчётная тревога
крест поставила на песне.

А на ясеновой ветке
интровертом безутешным
воробей, как кенарь в клетке,
разорвался утром вешним.

Чик-чирик Агнешка в Польше,
чик-чирик Арбат и Мцхета.
Три аккорда и не больше.
Много это? Мало это?

В небеса по бездорожью,
беззащитные, как в тире.
Три аккорда и не больше,
в лучшем случае — четыре.

52

Я в этой упряжке давно,
где все норовят в коренные,
и только немногим дано
увидеть пределы иные.

Не мчаться барьеров поверх,
а скромно держаться в сторонке,
обставив на финише всех
своим неучастием в гонке.

53–56. Дембельский альбом

1

Звёздное небо — как пристань...
Пристально в небо взглядишь:
двадцатилетним танкистам
по сердцу, по фигу жизнь.

Из Забайкалья степного
на небеса: — Шагом марш!
На четвертинку ржаного
ваксы погуще намажь.

Встретились. Поговорили.
Лайф обсудили и лав.
Траками небо взрыхлили,
ангелов перепугав.

Встретимся снова? Вестимо.
Выпьем по чарке? Авось.
Сириус. Маршал Устинов.
Цвет бронетанковых войск.

2

В долг возьми щепотку соли
у земли...
Выйдет толк — не бойся боли —
посоли
рану, память, время — зубы
сжав — терпи.
Сопки — белые тулупы
по степи.

На трансмиссии от вьюги —
чем не Крым! —
обмороженные руки,
едкий дым.
Поражение? Победа?
На века.
И жарки — флажки на «деда»
и зека.

3

О чём?.. О чём угодно:
о жизни, о судьбе...
Дотошно и подробно
я расскажу тебе:

о доблестях степного
и вшивого ЗабВО,
где замерзало слово,
хоть ты руби его,

о подвигах салаги,
о славе дембелей,
о жареной салаке,
что твой вонючий клей.

Сын слушает, не слыша,
и смотрит сквозь меня.
А на экране мышья
от жизни беготня.

проверяла на вшивость меня
забайкальская вошь бельевая
ни воды не боюсь ни огня
обло чудище только не лайя
но стозевно как пьяный старлей
не от водки от крови хмелея
чудо-юдо своих пожалей
нет ни эллина ни иудея

57. Пинску

Чужой — но только не деревьям,
всё понимающим без слов,
не пуху тополей, не перьям
порозовевших облаков,
не бронекатеру у Пины,
не танцплощадке на замке,
не выпитой до половины
бутылке вермута в руке...
Иду неузнанный, вдыхая
неповторимый аромат
давно потерянного рая,
напоминающего ад.

58

Не валерьянка, но валокордин.
На треть стакана 30 капель. Знаем.
И то, что утряслось, — разбередим,
и то, что устаканилось, — взболтаем.

Поможет ли? Бог весть. Не навредит.
Боль лижет руки и хвостом виляет.
И бабушка моя с небес глядит.
И бабушка твоя с небес кивает.

59. Сыну

Я тебе расскажу без утайки
невесёлые байки свои
про страну, где закручивать гайки
равносильно признанью в любви.

Ты послушай... Послушай... Не хочет.
Ты послушай... Послушай... Уснул.
И во сне на иврите бормочет.
И поёт за окном есаул.

60

Я выйду на Красную площадь
и стану её посреди,
где радостью горло полощет
бескрылая птица в груди.

Я рёбра руками раздвину
и страха себе не прощу,
но птицу бескрылую выну
и в небо её отпущу.

Лети, уповая на встречный
и яростный ветер в лицо,
а я, человек бессердечный,
конечно, отвечу за всё.

За всё, в чём я был или не был,
но всё-таки был виноват,
мне паяться вечно на небо,
где птицы на север летят.

61. Сельскохозяйственный романс

Когда проклюнется трава
совсем чуть-чуть, едва-едва,
как волосы у новобранца, —
кузнечики и муравьи,
оставьте игрища свои,
поосторожней будьте, братцы.
Не вытопчите мураву
дикорастущую во рву
или на пастбищах колхозных.
Вам развлечение, а она
пришла из тьмы путём зерна,
дорогой горестной и слёзной.
Из той неведомой страны,
где перед смертью все равны
и нету правых и неправых.
Но в сентябре из-за реки
толпой нагрянут мужики —
и зачарованные травы
пойдут без жалости под нож.
И я умру, и ты умрёшь.
Какие могут быть вопросы?
Кузнечики и мураши,
повеселимся от души
на светлой тризне сенокоса.

62

Лежать, по сторонам глаза,
в коляске светло-голубой,
затылком чувствуя, что фея
простёрла крылья над тобой.

И делать ручкою проходим
и улыбаться им в ответ.
И днём весенним, днём погожим
не лишним будет этот свет.

А то, что набежали тучи
и дождь заморосил опять,
так это даже лучше — лучше
под шум дождя младенцу спать.

Чуть набок съехала панама.
И слышится сквозь сон и гам,
как выговаривает мама
не в меру шумным воробьям.

63

Танцуют тени на стене
иносказательней Эзопа,
по гроб обязаны оне
волшебной лампе фильмоскопа.
Пока есть пауза. Пока
очередную ставят плёнку,
тень спрыгивает с потолка
и устремляется к ребёнку.
Котёнком ластит к нему
и засыпает на коленях.
Непостижимое уму
феноменальное явление.

.....
.....
.....
.....
Психушка. Человек не спит.
Опять замучили кошмары.
Пьют, не закусывая, спирт
и матерятся санитары.

64

Л. Л.

Карл не крал. Наговор и поклёп.
Да и кто это — Клара?
«Клавку знаю — из винного — ёб
там, в подсобке, где тара».

А теперь ему светит тюрьма.
Всё на Карла свалила.
Забодала кораллы сама
и в Израиль свалила.

Но, как не было счастья и нет,
так жила вполнакала.
По ночам доставала кларнет,
горевала без Карла.

Он откинулся лет через семь,
поселясь в глухомани.
И пилил, чтоб не спятить совсем,
на разбитом баяне.

Положив на мотив «Yesterday»,
он лабал втихомолку:
«Карл у Клары украл и т. д.» —
жизни скороговорку.

65

Безгрешен, говоришь. Быть может.
Но только вряд ли. Так и знай.
Почти что год на свете прожит.
Не гложет совесть? А-я-яй!

Покушай, детка, манной каши.
Купайся в неге и любви.
А убиенные букашки?
А плачущие муравьи?

66

Полуобнажённую девицу
в шлемофоне — подпись «ДМБ –
82» — сержант Куницын
на предплечье наколол себе.
Имя дал красавице — Маруся,
по ночам рассказывал про дом;
чтобы год спустя на «Беларуси»
без конца пахать нечернозём,
пить, вздыхая о крестьянской доле,
крыть колхоз «Заветы Ильича».
По уши в грязи и солидоле
девушка рыдает у плеча.

67

У колорадского жука
в коробке из-под спичек
жизнь беспросветна и горька,
как у зека на киче.

Волшебный аромат ботвы
сменив на запах серы,
он стал игрушкой, увы,
в руках у пионера.
И одиноко, и темно,
и ничего не надо.
Но очень жаль, что нет давно
вестей из Колорадо.

68

Как бы очнувшись ото сна,
раскачивается сосна,
не корабельная — кривая,
бесперспективная, и ей
не светит акварель морей —
зеленовато-голубая.
Обыкновенный ширпотреб,
полным-полно добра такого.
Серебряные струны ЛЭП
оплакивают лес сосновый.
Пронзительное Do, Re, Mi,
Fa, Sol, La, Si звучит в миноре.
Но каравелла, чёрт возьми,
летит по небу, как по морю.
Она нисколько не больна —
изысканная кривизна,
напротив, по сердцу борею,
вот-вот порвётся парус, и
отчаянные муравьи
танцуют «Яблочко» на рее.

69

И лампочка посередине
облупленного потолка
подмигивает и поныне
притягивает мотылька,
держа его за лоха — или
он сам обманываться рад?
И перламутровые крылья
весёлым пламенем горят.

70

И поцелуи, вздохи, взгляды,
как новогодние гирлянды,
раскачиваются, звеня,
в весеннем воздухе. На крыше
коты блядуют. Для меня
любви музыка тише, тише
становится день ото дня.

71

Как любил я стихи Соколова!
Так уже не любил никого.
На Калининском — с палкой, хромого, —
я однажды увидел его.

Подражая во всём, как ни странно,
я хромал целых пол-января:
— Марианна! — вздыхал, — Марианна! —
Ира, Таня, Галина — всё зря,

всё не то. Как издѣвка, как вызов —
разминулись, не встретились мы
«В час, когда щебетали карнизы
посреди глубочайшей зимы».

72

Сестре

Гэдээровской кукле не спится —
свет в глаза — неисправны ресницы,
сколько лет, не припомнит сама,
одинок в чулане пылится,
и поплакаться некому: «Ма».

Дочка выросла. Внукам до фени
полинявшее это старьё —
всюду Barbie, как бледные тени —
на упитанном фоне её.

Худосочные американки —
Made in China — не знают забот.
А в чулане стеклянные банки:
огурцы, помидоры, компот.

И бедняжка вздыхает печально,
оказавшаяся не у дел.
Хоть бы кто прикоснулся случайно,
хоть бы кто ненароком задел —

чтобы вдребезги. Это, по сути,
даже лучше, чем жизнь взаперти.
И предсмертное хриплое: «Mutti!
Wo bist Du? Пожалей и прости».

Не дышать — затаиться —
не обидой в душе, —
как подранок, как птица
у реки в камыше.

Из-под самого носа,
не жалея ничуть,
доведа до невроза,
от судьбы улизнуть.

Я здесь был или не был?
Но была не была...
И оставить на небе
лёгкий росчерк крыла.

74–75. Восемь строк...

1

Восемь строк — восьмистишье.
Оболочка тесна:
перед бурей затишье
наподобие сна.

Наподобие жизни,
только с виду большой;
ровно восемь, — но втисни
всё, что есть за душой.

2

Восемь строк — безделушка,
пустячок, ерунда,
но, чем ярче гнилушка,
тем бледнее звезда.

Время глухо и немое;
и светящийся пень
освещает полнеба, —
мог бы всё — только лень.

76

Однодневная щетина
выросла у мертвеца,
и в ответе сын за сына
за отсутствием отца.

За присутствием печали,
за наличием тоски,
тихо ангелы летали,
рвали сердце на куски.

77–79. С. Г.

1

Уехать на попутке
и наплевать на вся;
читать вторые сутки
водиле Ходася.

И на вопрос шофёра
ответить: «Всё путём
зерна». А жизнь как фора
аукнется потом.

Ну а покамест в голос
судьбу и трассу крыть.
И сердце, будто скорость,
на пятаю врубить.

2

Автобус ждать на остановке,
курить, и мёрзнуть битый час
в промасленной насквозь спецовке,
и влезть в автобус, изловчась.

И простоять зажатым сзади
и спереди до проходной,
и грудь, воспетую Саади,
как крылья чувствовать спиной.

И отпахав две смены — или! —
упасть без задних ног в кровать,
и, засыпая, гладить крылья
и пёрышки перебирать.

3

Пожелайте шедевра
безутешному мне,
оголённости нерва,
как земля по весне.

Снег болеет и чахнет,
сам не рад, что живой.
И шедевром не пахнет —
пахнет клейкой листвой.

80

Изобретатель тишины
и мрака первооткрыватель,
я посещаю ваши сны,
пока вы маетесь в кровати.

Я обживаю их тайком
и подбираю им названья,
овладевая языком
потустороннего сознания.

Струись из-под закрытых век
на простыню изображенье,
пока не вспыхнет яркий свет
и не уйдёт ночное зренье.

81

белкой по древу познания стрелкой
на пустоту опершись
хлопать глазами прикинуться целкой
всё понимая про жизнь

всё понимая от этого хуже
слышишь не думай о ней
но ядовитую воду из лужи
как родниковую пей

82

На Сиреневом бульваре,
где едва ли вы бывали,
на Сиреневом бульваре,
где едва ли я бывал, —
разве только в прошлой жизни,
да и то в её начале,
на сирень полюбоваться
приходил я на бульвар.

Пятипалая — на счастье, —
счастье было безгранично,
дымчатая — задыхался, —
дым стоял сплошной стеной.
А когда в метро спускался —
уносила электричка:
то ли веточку сирени,
то ли крылья за спиной.

83

Ты героиня моего
в печи сгоревшего романа,
но знай — я воскрешу его
из пепла поздно или рано.

Я снова жизнь в него вдохну
и крылья дам ему, как птице,
чтоб замолить свою вину
на 62-й странице.

84

Полыхают осины — синим,
белым пламенем — тополя.
Сушь вторую неделю. С сыном
на Полесье приехал я.

Дым отечества. Смех и слёзы.
Малой родины мумиё.
Сын плюёт на мои невроты
и тем более — на неё.

Мальчик шпрехает на иврите,
я не шпрехаю — я молчу, —
фаршированной щукой в Припяти
запоздало икру мечу.

Ближе к осени — ниже небо.
Птицы глуше. Темней вода.
И горят капитана Немо
обезвоженные суда.

85

поджав колени к животу
укрывшись с головой
уподобляешься кусту
становишься травой
отечеством для муравьёв
и родиной для птиц
пчелиной музыкой без слов
не знающей границ

86

После ливня — голубое,
не бывает голубей,
и на фоне неба — двое, —
двоеточье голубей.

Туч растрёпанные клочья,
как потёки от чернил.
Третьего для многоточья
не хватает — ливень смыл.

87

Только резких движений не надо
и о дерзких поступках забудь;
стань листвой из осеннего сада,
не мечтающей лето вернуть.

А лежащей — не мёртвой, но мятой
и омытой дождями листвой,
чтоб уже никогда на попятный:
хоть ты волком, хоть ветром завой.

88

По дорожке,
по тропинке
бродят кошки,
выгнув спинки.

Время страсти —
месяц март.
Всё во власти
звёздных карт.

Виночерпий, твоя оскудела рука?
Налилась после ночи свинцом?
Для того ли вернулся издалека
блудный сын, чтоб не выпить с отцом?

Наливай! Не жалея! Остывает еда,
и незваные гости ушли,
и такая вокруг тишина, немота,
только слышно вращенье Земли.

Наливай, — пусть они посидят, помолчат,
а потом «Журавли» запоют,
и, напившись, забудут дорогу назад,
и навечно останутся тут.

Стол накрыт на двоих — остальные не в счёт,
не взирая на ангельский чин...
И течёт по усам — и ни капельки в рот,
как у всех настоящих мужчин.

То не боль головная —
то сквозная дыра,
в ней бессонницы стая
гнёзда вьёт до утра.

И ни сна, ни покоя,
ни покоя, ни сна...
И, как минимум — вдвое,
ярче светит луна.

Темнота растворилась
в тишине, как в воде;
за ночь боль оперилась —
стало тесно в гнезде.

И к утру, наконец-то,
где-то ближе к шести,
засыпаю, как нэцкэ
у японца в горсти.

91

Картофельной ботвы побеги —
из-под надзора темноты —
с рассветом приоткрыли веки
и жёлтые раскрыли рты, —
и пьют, захлёбываясь, росы,
занюхивая тишиной:
за дружбу лирики и прозы,
за боль, помимо головной.

92

Бурундийская бабочка на голубом
и монголо-шууданский рассвет;
я лет тридцать тому подарил свой альбом
и в придачу к альбому пинцет.

Но вошли, как вернулись из Небытия,
дважды в реку — не зная границ:
ярко-красная бабочка — память моя
и прапамять степных кобылиц.

И сидят мои дети и в лупу глядят, —
а точнее — глядят в телескоп
на зазубренных бабочек и жеребят, —
48 и 70 коп.

93

Что я знаю про время?
Не дави на слезу.
Август. Варит варенье
мама в медном тазу.

После вымоет раму
по слогам в букваре.
А я в пенках застряну,
что комар в янтаре.

94–95. Бабочка

1

Благодатью ли Божьей
или чьей-то ещё,
на мгновенье — не больше —
сядь ко мне на плечо.
Стань на время наколкой
беззащитно-цветной
или, к счастью, недолгой
жизнью как таковой.

Это — бабочка, слышишь,
только бабочка, но
от волнения чуть дышишь,
и на сердце темно.
Это бабочка? Только?
Тень от бабочки? Да?
Испугала надолго,
если не навсегда.

АЛТЫН (2009)

За полётом шмеля, но под музыку Шнитке,
дачным летом, в июле, следить не дыша;
ни к селу и ни к городу белые нитки
вдруг припомнить на тёмно-зелёном ч/ш.
Ни к селу и ни к городу, а к Забайкалью
возвращаюсь... Вернулся... Никак не вернусь.
Минус лето — дождливое только в начале,
и ни капли в течение месяца — плюс.
И шмелиная музыка белой метели,
и Альфред, и Германия, и дембеля.
Словно в детстве далёком, сойдя с карусели,
потерял ощущение реальности я.
Всё смешалось, включая пространство и время.
Обнажается суть. Отступает жара.
Полночь. Дети уснули. Луна сквозь деревья
освещает бессонную ночь до утра.

97

Мы не Георгия Иванова
ученики, а Ходася.
Из полупьяного, туманного,
ночного Петербурга — вся
литература вышла? Вечные
вопросы разрешались не
без помощи больного, желчного
поэта в цейсовском пенсне.

98

Вот сидит человек,
человек огорчён,
на мороз и на снег
ноль внимания он.
Он затеял игру
развесёлую, чтоб
непрерменно к утру
превратиться в сугроб.
И до самой весны,
вот как он огорчён,
видеть белые сны
ни о чём, ни о чём.

99

Листья жгут, и осенний
дым безвреден, как ртуть;
этих сладких мгновений
ни за что не вернуть.

Не вернёшь и не надо.
Но слезятся глаза.
Дым осеннего сада
крематорием за.

100

Мяч закатился мой под нянин комод...

В. Набоков

Тишина в темноте, как в квадрате, —
шорох слышится за версту.
Я лежу, улыбаясь, в кровати
и сквозь сон ощущаю — расту.
Где-то скрипнула половица
и откликнулись снегири.
Мне дорога железная снится.
Я большой. Мне исполнится три.
В сердце сладкая ноет заноза;
и — божественной музыки сфер —
долгожданный гудок паровоза
из коробки «Made in DDR».

101. Семидесятые

«Кто кого»? Но об этом потом.
Не сейчас. Не сегодня. Не время.
Я шепчу окровавленным ртом
и на звёзды смотрю сквозь деревья.
Я лежу. Я созрел. Я готов.
Я по-своему счастлив, поверьте:
время есть до приезда ментов
поразмыслить о жизни и смерти.

А вокруг — никого, ничего.
«Тёмной ночью. Желательно летом.
Я ещё повстречаю его.
Он ещё пожалеет об этом».

102

Я боюсь, что я назад
не вернусь.
Все кому не лень кричат:
«Подлый трус».
Я не трус. Мне скоро семь.
Через год.
Я сажусь на карусель —
и вперёд.
Подо мной луга, леса
и моря.
Надо мною небеса
и заря.
Издевался, кто хотел,
а теперь
горько плачут: улетел.
Улетел.
Мы назад берём слова.
Не дури.
— Так и быть, дня через два
или три.

103

Ничего мне не жалко для сына,
всё останется только ему:
обжигающий шёпот хамсина,
и прибой, усыпляющий тьму,

и отсутствие мокрой сирени
и туманного молока.
Всё, включая песочное время
бесконечного слова «пока».

104

Оттоптали ноги,
чёрт возьми,
на лесной дороге
муравьи.

Оттоптали ноги.
Звон в ушах.
Больше из берлоги
ни на шаг.

105

сокрушаясь по поводу
не давя на слезу
я к последнему доводу
прибегу приползу
на карачках на брюхе ли
довежу до ума
что весенними слухами
заболела зима
снег белее от копоти
и звенит как стекло
кто грачи где на проводе
говорите алло

106

Август. Полдень. На окнах сетка.
И от лёгкого ветерка
чуть заметно качнулась ветка,
как под тяжестью мотылька.

Дачной жизни укропный запах
и беременной тучи клоч,
и уснувший в еловых лапах
легкомысленный мотылёк.

107

Мастерская кузнечика.
Дух госпитальный.
Сердце Феликса Чечика
на наковальне.
Куй, покамест горячее,
выкуй, кузнечик,
сердце звонкое, зрячее
и человечье.
Потому что от старого
и от больного
только клочья оставило
глупое слово.

108

Вести двойную жизнь, скрывая
своё лицо?
Свободы я не променяю
на колесо.

Огненно-рыжий, будто пламя,
то вверх, то вниз
скачу и хохочу над вами, —
посторонись.
А захочу — сгорит, как спичка,
сосновый лес.
Но жалко птичку, плачет птичка
из-под небес.

109. Акварель

Море тянется до
горизонта, но что там —
знать не знает никто —
скрыто за горизонтом.
И не хочется знать,
ну нисколько даже,
кверху пузом лежать,
как медуза на пляже.
А морская волна
белозубым оскалом
будет щериться на
равнодушные скалы.

110. Провинциалы

Шампиньонами из-под асфальта,
на «кирпич» — отдыхает ГАИ,
в предвкушеньи халявы и фарта,
и сулящей прописку любви,
из Рязани, из Пензы, из Тулы,
с «шестисотым» наперегонки,
чтоб у хищной столичной акулы
удалить без наркоза клыки.

И столовским позавтракав супом,
и заначив беляш на потом,
на вершину — по трупам, по трупам,
никого не щадя, напролом,
мы идём на все стороны света,
улыбаясь чему-то хитро, —
не получится — двинем в поэты,
повезёт — в торгаши у метро.

111. Lithuania

жене

Вилами писано по воде —
кануло в Лету,
не расшифрует никто и нигде
вилопись эту.

Все философы тире колдуны —
глухи и немы.
Вилы расчешут твои колтуны,
батюшка Неман.

112

Всю ночь скрипеть пером при свете
давно погашенной свечи,
чтоб коммунальные соседи
от скрипа мучались в ночи,
чтоб Владислав Фелицианыч
скончался рано, до греха,
и от написанного за ночь
осталась только буква «х».

113

3 ряд.

25 место.

Плачет брат.

Вышла замуж невеста.

И морпех где-то сгинул во льдах.

Ах!

Жалко всех: и поэта Глазкова,

Смоктуновского, Градского — всех.

.....

Возвращается из ледяного
плена с «Красной Звездой» морпех.

«Эх! Загулял, загулял, загулял,
парнишка-парень молодой, молодой,
в красной рубашоночке,
хорошенький такой».

Ничего. Перемелется. В шоке
зал. Не выйдет из шока никак.

И размером с экран на флагштоке
развевался Андреевский флаг.

Ни Афгана и ни Карабаха,
ни Чечни, ни Беслана. Потом
станет красной от крови рубаха
и рассыплется карточный дом,
но куда сеанс за сеансом,
сэкономив на завтраках, я
упиваюсь советским романсом
в предвкушении небытия.

114

Имитация счастья — блесна
самопальная из медали.

Щука хищная обречена
фаршированной стать и т. д.,

что хозяйка решит на обед
приготовить своим домочадцам.
Но покамест из мрака на свет
ей вольно во весь рот улыбаться,
оставлять в дураках рыбака —
дилетанта, блесна — побрякушка,
а вода холодна, глубока,
дно усеяно илом, ракушкой.
Хорошо королеве пруда
пребывать в окружении свиты!
Но уже ветеранам труда
на монетном медали отлиты.

115

Перчатки, варежки — помеха,
перчатки, варежки — долой,
когда белым-бело от снега
и битый час зовут домой.
Гигантский ком всё неподъёмней,
и пальцы холодом свело,
и, будто загнанные кони,
хрипим и дышим тяжело.
У снежной бабы нос морковкой,
в глазах обугленных — испуг,
и приспособленные ловко
сухие ветки вместо рук.
А то, что женщине не в жилу
стоять с ведром на голове,
так не до жиру, быть бы живу
в непредсказуемой Москве:
где в январе звенят капли,
а в марте заморозки вновь,
и снегири, как на свирели,
наяривают про любовь.

116

На чайной ложечке листа
валокординовые капли
росы. Безлюдна и пуста,
как бы в преддверие спектакля,
берёзовая роща. Гнёзд
осенняя незащищённость.
А ближе к городу — погост
и роковая обречённость.

117

Туда-сюда, туда-сюда und weiter,
туда-сюда, покуда бездыхан
не упадёшь — возлюбленный фарватер
ведёт прямой дорогой в океан,
где стаи рыб, где водорослей пряди,
где илом занесённые суда;
предпочитая положенье «сзади»,
агонизируя — туда-сюда,
я умираю в предынфарктном стане
и растворяюсь в тишине ночной,
покамест мои потные ладони
разглаживают крылья за спиной.

118. Мой Пегас

«Коня, полцарства за...» — причём
какой-то конь, скорее — пони,
в аттракционе цирковом
с бубенчиками и в попоне.
Тележку возит за собой
и радуется сбруе новой.
Нет чтоб спешить на водопой
воды напиток родниковой.

Пастись на заливных лугах
и ржаньем окликать подругу.
В опилках нос — увы! И ах! —
по кругу, милый мой, по кругу.

119

Засыпаю без задних
и передних — точь-в-точь
как измученный всадник,
проскакавший всю ночь.

Просыпаюсь в тревоге
вперемешку с тоской.
Перепутались ноги,
и не знаю с какой.

120

Начало любви я веду от конца,
как если бы жизнь от небес;
фамильное золото — перстень отца
с его монограммой «МС».

Печатка... Да некуда ставить печать...
Поставлю себе на уста,
чтоб не было больно любить и молчать,
покуда кричит пустота.

121

И. В.

Переливающихся рос
осеннее стекло
я утром из лесу принёс
в домашнее тепло.

И наяву увидел сон
о том, что жизнь прошла,
под бесконечный перезвон
разбитого стекла.

122

Е. Е.

Это — не ветер и холод, —
ветр — скорее, и хлад;
надвое — взят и расколот
временем Санкт-Ленинград.

Время. Ворованный воздух.
Еле заметный дефис.
И через тернии к звёздам —
лестницей Якова — вниз.

123. Отец

в его ладони утопает
моя шершавая ладонь
он с полуслова понимает
чем дышит рыба подо льдом

на соловьином диалекте
ведёт беседу со щеглом
и растворился в пыльном лете
как будто скрылся за углом

124

Недостающее звено
в разорванной цепи;
в апреле прорастёт оно
дурман-травой в степи.

Расти дурман, цветы трава
и красок не жалеи,
и боль переплавляй в слова,
как будто Моисей.

125

Беги!

Что будет — неизвестно,
туда, где бездне нет конца,
как непорочная невеста
с возлюбленным из-под венца.

Лети невестой непорочной,
преград не зная и стыда,
по бесконечной водосточной
трубе — июльская вода.

126. Определение любви

Это — будто черепаха
обрела
два крыла и вдруг от страха
и от счастья умерла.

И лежит она крылато
на песке.
Не виновна... Виновата...
В пенной вате и в тоске.

127–131. Эскизы

1

оскоминный зелёный
антоновский налив
резонно думать склонный
скорее мёртв чем жив
не белый скороспелый
сентябрьский почти
огрызок жизни целой
вставанием почти

2

паутинная заплатка
на малиннике в лесу
совершенство беспорядка
в память сердца занесу
из июля в август дверца
приоткрытая слегка
сладко тает льдинка сердца
в жарких лапах паука

3

белая кружка с каёмкой
как небеса голубой
музыкой светлой негромкой
ангел парит над тобой
детство но вдребезги кружка
непроизвольно сама
жизни утруска усушка
и горизонта кайма

4

лоза орешник ива
апачи чингачгук
и defавская дива
и прерия и стук
копыт в конце июля
по пыльной мостовой
где разминулась пуля
с горячей головой

5

я речной песок
заключил в сосуд
и проснулся в срок
но уже не тут
а проснулся там
а очнулся где
и с отцом считал
ряби на воде

132

— Легко ли — сказала левкоя, —
без отдыха благоухать,
не зная ни сна, ни покоя
отравленный воздух вдыхать?

Вдыхать, выдыхая, и снова...
— Довольно! Легко... Нелегко...
Не скиснешь! — сказала корова,
имея в виду молоко.

133

Осенним парком, где с веслом стоит дивчина,
иду. Не каркай, вороньё. Печаль-кручина,
не изводи. На карусель — слоны, верблюды —
запрыгну, чтобы насовсем слинять отсюда.
Но прежде — несколько кругов, расправив плечи,
я совершу и — был таков — arrivederci.
На юг — подальше от небес — больных, унылых,
летит, а времени в обрез, клин легкокрылый.
Успеть бы только до зимы и до простуды.
За мной! На волю из тюрьмы! Слоны, верблюды.

134

Запишу я на плёнку любовь и печаль
и дыхание спящей собаки,
чтоб любимая слушала по ночам
и не вздрагивала во мраке.

В час, когда за окном и на сердце темно,
пусть поставит забытую запись
и летит, как уже не летала давно,
под волшебный собачий анапест.

135–138. Дембельский альбом – 2

1

Засыпаю на ходу.
Сплю, но ходу не сбавляю.
Я иду, иду, иду
строевым по Забайкалью.
Левой, правой, левой, пра...
Сплю в неведение счастливом.
Ангелы, как прапора,
запивают водку пивом.
Слева — сопки. Справа — степь.
Впереди и сзади — волки.
Четверть века. Не успеть
в часть свою из самоволки.
Я иду, иду, иду
день и ночь без перекура.
И — как лампочку — звезду
погасила пуля-дура.

2

Я не вернусь из самоволки —
я выполнил священный долг.
Лежу себе на третьей полке,
поплёвывая в потолок.
Я отрубил два года с гаком,
я заварил навечно люк.
Пусть снится по ночам салагам
начальник штаба Вергелюк.
С меня довольно. Сыт по горло.
Пускай другие, а не я,
в эпоху колы и попкорна
зубрят урок Небытия.

Лежу себе на третьей полке,
гипнотизирую плевок,
а по вагону рыщут волки
зубами щёлк.

3

То сено, то солома.
Да на краю земли.
А в это время дома
невесту увели.
Невесту уводили,
как лошадь со двора,
когда меня будили
пинками прапора.
Когда я мёрз в НТОТ'е*
и проклинал ч/ш** —
она по зову плоти
заржала и ушла.
Гори печаль, как спичка,
лети тоска в огонь.
Ефрейторская лычка
скатилась на погон.

4

Я два года оттрубил —
ду-ду-ду,
в Красной Армии я был —
не в аду.

* НТОТ — неподвижная танковая огневая точка.

** ч/ш — чисто-шерстяное обмундирование.

Ад крошечный был во мне,
а не в ней.
На войне как на войне.
На войне?

Не понятно: «кто кого»
победил.
Не осталось никого,
я один.

139

Тяжело уберечься
от соблазна: да-да;
будь то речь или речка —
не впадать никуда.

В подрастающем сыне
видеть страхи отца.
Не впадая в унынье,
течь и течь до конца.

И молиться на вереск
и к ромашке припасть,
и в любовь, будто в ересь,
окончательно впасть.

140. Батюшков

И прежде чем сойду с ума
и утром в Вологду уеду, —
предновогодняя зима
свою отпразднует победу.

И я на синеве небес,
как на скрижалях, начертаю:
«Страдал, рыдал, терпел, исчез...»
И, как осенний снег, растаю.

141

по водной глади провести
и не обжечь руки
и вдруг кувшинкой зацвести
в излучине реки
вдруг водомеркой пробежать
и ног не замочить
и никого не обижать
тем более учить

142

Пение птицы на фоне
ветреного февраля.
Вроде бы не посторонний
в этом пейзаже и я.
Так отчего же затихла;
или, увидев меня,
вдребезги, будто пластинка,
песня разбилась, звеня?
Но, февралю потакая,
словно опился чернил,
каркает, не умолкая,
чёрный с отливом винил.

143

Промежуточный финиш
оказался концом.
Ночью из дому выйдешь
повидаться с отцом.

А на небе, как в детской,
одиночества жуть.
И собаке соседской
до утра не уснуть.

144

Илья-пророк пописал в реку.
Пляж вымер. Директива сверху
получена из первых рук.
Не стало смеха, визга, крика.
И опадает ежевика,
и благоденствует паук.
А противоположный берег
воспринял это без истерик,
напоминая мне тебя,
он не какой-то там — пологий, —
крутой, а значит — одинокий,
как минимум до декабря.
Когда мороз однажды ночью
под пенье зимних аонид,
свои превысив полномочья,
два берега соединит.

145. Тема

Я высосал её из пальца,
и тема стала основной;
и, как не бился, не пытался, —
она теперь всегда со мной.

И позабыты все другие
вперёд на много-много лет,
за исключением ностальгии,
которой не было и нет.

146

Б. С.

Я люблю со стариками,
байки баять, водку пить,
в перевёрнутом стакане
по-над бездною парить.
Мы парим, расправив руки,
мы парим, как в первый раз,
а бескрылые старухи
слёзы смахивают с глаз.
Мы парим, как в небе птицы,
аж захватывает дух,
чтоб уже не возвратиться
в государство сонных мух.
За лесами, за горами
и у бездны на краю,
как слонов — считаем грани...
Баю-баюшки-баю.

147

ветер берёзовый
ветер кленовый
будто бы розгами
высекли новый
ветер уверенный
в том что безвинный
если не клеверный
значит полынный

148

Состарюсь на твоих глазах,
и отразится в них
не вечный жид, а вечный страх —
моей любви двойник.

В них отразится ужас мой,
как в зеркале солдат,
с войны вернувшийся домой
в послевоенный ад.

149

перламутровая муха
умирает холодея
затянулась невезуха
паутиною на шее
ежедневного сортира
опротивела рутина
от назойливого мира
избавленье паутина

150

Говоришь — повезло. Повезло.
Или времени трата пустая?
Но берёзовое весло
проросло и берёзою стало.

Это — сон. Он парит, невесом,
по-над озером нелюдимым.
В худшем случае — станет веслом,
в лучшем случае — пеплом и дымом.

151

и спросу никакого
не может быть с меня
за исключением слова
душевного огня
за исключением знания
что время утекло
и вечного изгнания
отечеству назло

152. Жестокий романс

Не буди, старшина,
пусть солдаты поспят,
ничего, кроме сна,
больше нет у ребят.

Лишь бы не навсегда;
лишь бы плыл, невесом,
двухсерийный Эльда-
ра Островского сон.

153

проще
простого
в роще
сосново
словно
рубаха
слово
пропахло

Ночное зрение (2011)

154

Измученный правдой,
болезненно точный,
склонился над картой
картограф полночный.

В конце, как в начале:
и слово, и ясли.
И карты совпали,
да звёзды погасли.

155

Запомни меня молодым
и память свою узаконь,
как помнит отечества дым
давно отгоревший огонь.

Дымили сырые дрова,
коптили чужой окоём,
и ты оказалась права,
запомнив меня стариком.

156

Мы не мечтали о таком
ни в первом классе, ни в десятом:
обнимемся под потолком,
расстанемся под снегопадом.

Кружи над школой, летний снег,
и не мешай ночному бдению,
где поседевший человек
танцует с собственной тенью.

157

Квадратному дереву грустно:
ни влево, ни вправо, ни вверх, —
сегодня во имя искусства
унизил его человек.

Квадратное дерево или
квадратное пугало, и
его шевелюру остригли, —
всё лучшее отсекли.

Подрезали ветки, как руки, —
и коротки стали они.
Смеются друзья и подруги
и даже замшелые пни.

Квадратность сначала смущала,
стращала приходом конца,
а вскоре отечеством стала
для крохотного птенца.

158

Здесь всё другое: я другой,
и воздух, и язык,
и треск улиток под ногой
напоминает крик.

Я променял на ближний Ost,
вдруг ставший дальним West.
Но неизменна сумма звёзд
от перемены мест.

159

Мои первые джинсы за 70 рэ —
светло-синие с клёшами Lee, —
не какой-нибудь там самопал — во дворе
столько шороху навели.

Я неделю балдел, задирая свой нос, —
но всему наступает конец,
и врагу моему Levi Strauss привёз
из загранки приёмный отец...

— Враг мой, брат мой, — шепчу я, как будто в бреду, —
мы на взлётной уже полосе,
так давай же, обнявшись, пройдем по стриту
в той, не знающей сносу джинсе.

Отдыхают Cavalli, Armani, Versa...
Кыш, высокие, не до вас!
Светло-синие Lee, как весной небеса
и, как зимнее небо, Levi's.

160–163. Малые мира сего

1

Лёгкая, и легче не бывает,
мысль моя, совсем как мотылёк,
с облысевшего перелетает
одуванчика на василёк.

Несмеяну — рассмешив — царевну,
мудро правлю в сказочной стране,
растекаясь чёрт-те чем по древу;
мысль моя, иль ты приснилась мне?

2

Как птах небесный в сети,
как рыба на крючок,
в сачок при лунном свете
попался светлячок.

Испуганный, помятый,
светящийся хитин, —
в одном лишь виноватый,
что в темноте светил.

3

вот и я говорю
для чего
снегирю
беззащитность его

на снегу
ярко красным пятном
чтоб врагу
не найти днём с огнём

4

Заручившись поддержкой
неба над головой,
стану ласточкой дерзкой,
резкой, береговой.

Одинокой, и к стае
примыкать подожду,
над водою летая,
и не только к дождю.

164

«На даче созрела клубника
и брачный период у пчёл», —
не самая худшая книга
из тех, что когда-то прочёл.

«И звон комариный, и мята,
и рябь, и слюда на пруду», —
из тех, что прочёл я когда-то
и мокнуть оставил в саду.

Лежит, позабытая всеми,
над нею кружит вороньё,
да изредка ветер осенний
листает страницы её.

165

Отныне и навеки,
сейчас и навсегда,
перевернулись реки
и вытекла вода.

Мы удивились чуду;
но, сидя на мели,
порожнюю посуду
в приёмный пункт снесли.

Купили ящик пива,
а к пиву два леща,
и зажили счастливо,
над бездной трепеща.

166

И смешно, и нелепо, —
и печаль ни при чём:
созерцанием неба
ты с утра увлечён.

Порицанием ночи,
отрицанием тьмы,
жизнью, ставшей короче,
накануне зимы,

как твои восьмистишья,
как тепло в октябре.
И всё тише и тише
сердце бьётся в тебе.

И всё реже и реже
в небе, чёрном как дым,
ты заштопывал бреши
созерцаньем своим.

167

Ну, а если всерьёз, не валяя
дурака, не ломая комедь,
как на князя смотрела Аглая,
честно в прошлое посмотреть, —
что увидишь? — Любовь и разлуку,
два-три слова на идише и
пожелание бабушки внуку
перед самой разлукой — любви.
Что услышишь? — Фальшивую ноту,
дар божественный, втоптаный в грязь.
Жизнь, дарованная идиоту, —
пусть не князь — всё равно удалась.

168

Пустота и горечь позади,
впереди — распахнутая дверца;
сложносочинённое в груди
предложение руки и сердца.

Предложение распалось вдруг
на слова, предлоги и частицы.
И клюют из посторонних рук
нами неприрученные птицы.

Что запомнил: снежинок круженье,
яркий свет фонаря
и прощанье, где рифму «прощенье»
не заслуживал я.

Заслужил: безутешность, проклятье
и стихи через век,
где лежит подвенечного платья
не растаявший снег.

170

У слияния трёх рек,
неба и весны,
жил и видел человек
розовые сны.

Дни и ночи — без конца —
будто сериал;
и, пока смотрел, отца
с мамой потерял.

И проспал свою любовь,
зарекаясь впредь,
чтобы только вновь и вновь
грезить и смотреть.

Летней ночью падал снег,
пели ковыли
у слияния трёх рек,
неба и земли.

И покрылись реки льдом
вечным — словно сон.
Кинщик спился, но о том
не узнает он.

171

Поговорим без посторонних —
не в счёт полночная звезда;
холодный свет одной из Бронных
мы не забудем никогда.

Нам выпали сплошные решки,
и улетели все орлы.
Сидим у двух сестёр в кафешке,
где перевёрнуты столы.

Твоя печаль, моя тревога,
ученики не первый класс.
Ах, сёстры, не судите строго,
не выпроваживайте нас.

Сварите нам покрепче кофе,
налейте коньяку по сто,
чтоб о грядущей катастрофе
уже не вспоминал никто.

А мы вам сбацаем вприсядку
и на два голоса споём.
И неразменную десятку
без сожаления пропьём.

172

запрещённый приём
болевой
злость сорвём
как цветок полевой
друг на друге на ком
же ещё
васильком
обожглись горячо

173

Задолго до седин
во все концы мело.
Я сердце посадил,
а сердце проросло.

А я-то думал, что
пришёл ему конец
среди забывших о
прощении сердец.

Цветёт за годом год
и плодоносит сад:
смертельный, словно мёд,
целебный, словно яд.

А может быть, плоды
его приснились мне?
И надкусила ты,
и умер я во сне.

174

Спят взрослые и дети
и видят сны, когда
пасутся на рассвете
улиточки стада.

Неспешно и безмолвно
они бредут в тиши.
Неутомимы, словно
движения души.

Они на крыльях ветра
и с тишиной в груди
летят, а скорость света
плетётся позади.

Покуда Том и Гек (2013)

175

как смола на сосне
нет намного быстрее
загустело во мне
бесконечное время

стало камнем старьём
забытьём океаном
и горит янтарём
на твоём безымянном

176

Без унынья, без печали,
не сочтя за труд,
бесконечными ручьями
муравьи текут.

Где начало — неизвестно,
где конец ручья?
С ними вместе, если честно,
плыл и плыл бы я.

Дни за днями, дни за днями,
миллионы лет,
чтобы лакомилась нами
вечность-муравьед.

177

Всё путём и сомнения нет —
диалектика, брат.
Ты когда-то смотрел на рассвет,
а теперь — на закат.

Ты смотрел на рассвет, не дыша,
и боялся спугнуть,
и росла у ребёнка душа,
как в термометре ртуть.

Но важней и дороже смотреть
на закат старику —
и в закате увидеть не смерть
и не тлен и труху,

а возможность, уйдя далеко,
разминуться с концом,
и рассветное пить молоко
желторотым юнцом.

178–181. Начало

1

помятые бока
у яблоч от паденья
сочны как никогда
вкусны как не бывало
надолго ли пока
их не коснулось тленье
для вечности еда
чтоб всё начать сначала

2

только поосторожнее
будь не спеша
из пустого в порожнее
переливая
не пролей и в гранёном
стакане души
оживёт после смерти
вода неживая

3

вот и приехали
вот и приплыли
вешками вехами
время поместили

может быть не были
всё-таки были
просто застряли
между столетьями

4

Бессмертен человек,
хоть мир в предсмертном хрипе,
как лес и облака,
как горы и как реки:
покуда Том и Гек
плывут по Миссисипи,
до той поры, пока
не разлюбила Бекки.

182

воздушный путь
стрекоз и мотыльков
с пути свернуть
свернул и был таков

и облака
растаяли внизу
тень мотылька
легла на стрекозу

183

И небо высохло, и вычерпали Пину
навечно, — ну и пусть,
что список кораблей сгорел, но половину
я помню наизусть.

Мне хватит за глаза и половины списка,
я четверть века с ним
стою, как идиот, на набережной Пинска,
плотая горький дым.

Он в сердце у меня, как если бы скрижали,
зарубки, узелки...
Горели корабли, и ротозеи ржали
на берегу реки.

184

От «Елисеевского» на Тверской
до Елисейских полей,
если поддать, то подать рукой,
главное — не пролей!

Не расплещи, сбереги, утай
чувство — печаль светла,
и, как бутылку чернил, Аи
опорожни из горла.

185

Без всяких стараний
парил в небесах,
покуда словарный
запас не иссяк.

Безмолвие, хаос
и холод внизу.
А я, чертыхаясь,
по небу ползу.

186

Январской бабочки полёт
изломан и неловок,
и покраснел январский лёд
от вмерзших краснопёрок.

Оттаяв, косяком плывут,
весенний ветер дует.
А в коконе, любя уют,
капустница зимует.

187

Хотелось бы без слов
совсем, но как без них?
Так ловит птицелов
не птиц, а песни их.

Потом несёт домой —
живых едва-едва,
чтоб слушать их зимой
и подбирать слова.

188

Проснуться до шести
и обалдеть от рани —
как краску соскрести
с окошка в женской бане

и задохнуться от
восторга и запрета,
обожествляя плод
и женственность рассвета.

Мороз за тридцать, школа на замке,
белым-бело, и лёд на речке звонок,
и руки моей бабушки в муке,
и сдобных булок запахи спросонок.

Спи — не хочу, но манит запах сдоб
с изюмом, и особенно с корицей,
и соблазняет за окном сугроб
возможностью по шею провалиться.

Умыться кое-как, и на ходу
дожёвывая, обжигаясь, булку,
со сборной Тупика летать по льду
и проиграть с позором Переулку.

Домой вернуться засветло, пока
январский ветер не пригонит стужу.
На батарее форма Третьяка
оттаивает, образуя лужу.

А сам Третьяк уснул без задних ног,
и Третьяку всю ночь кошмары снятся:
доска, Ньютон, спасительный звонок
и физик, так похожий на канадца.

190

обнаруженная двушка
через много много лет
одичавшая зверушка
ненавидящая свет

пролежала четверть века
за подкладкой пиджака
и убила человека
невозможностью звонка

191

Так неприятно, так некстати
вдруг вспомнить прожитое зря,
как влажное рукопожатье,
что вытираешь втихаря
о брюки, чтобы не заметил
хороший, в общем, человек,
и дальше с ощущеньем этим
жить целый век.

192

Человечество подразделяется на
две, как минимум, части, дружок:
кто в неполных тринадцать блевал от вина,
кто ходил в переплётный кружок.

Две, как минимум, части, сливаясь в одно,
образуют единый народ:
мастера — мастера, пьют другие вино,
попадая в такой переплёт.

Ни о чём не тужа, никого не виня,
припеваючи, в общем, живут,
и в едином порыве кладут на меня
все, живущие там или тут.

Не в обиде. Ничуть. Не такое прощал —
тех жалея и этих любя.
А за то, что я пил и кружок посещал, —
я и сам презираю себя.

193

освобождение суля
ещё мертва природа
в последних числах февраля
тридцать шестого года
но вдребезги разбитый лёд
форелью серебристой
уже по Волковке плывёт
в кладбищенскую пристань

194

незабудка плакала
третий день жара
что росинки маковой
не было с утра
плакала горячими
и от этих слёз
колокольчик тучами
голубыми рос

Стихи для галочки (2014)

195

Это, как если бы я возвратился
в лето и зной олимпийского Пинска:
горе сыновье и в небе медведь —
снова и снова смотреть и реветь.

Хвойные запахи памяти оной —
без потолка и в отсутствие стен.
Это Высоцкий в Москве раскалённой
или потом на Таити Дассен.

Это, как если бы — не было-было:
родина песнями сердце вспоила,
чтоб устанавливать с мылом и без
чудо-рекорды июльских небес.

Это... А рядом во гробе хрустальном
или в дубовом — не все ли равно —
папа, вдруг ставший из близкого дальним
светом автобусным, и не темно.

196

как снегом занесённый куст
за столько зимних лет
оттают оживут к весне
рассеивая тьму
мои товарищи на вкус
товарищи на цвет
на языке понятном мне
и больше никому

197

Или в Вологде, или
в Туле et cetera —
выживали, сходили
и сошли до утра,
как с трамвайной подножки,
за пределы земли,
где от пряника крошки,
не на кружеве ли
мироздания ночного —
горько-сладком, как дым,
где рифмуется слово
лишь с безумьем самим.

198

Двенадцать лет и в горле ком:
отвергнут дамой бессердечной!
Мне безразлично, на каком
непонимаемым быть встречной.

И заливались соловьи
и перешёптывались с ветром
на языке моей любви —
неизъяснимо-безответном.

199

С. Т.

Ни с того ни с сего возвратились ко мне
через столько, казалось бы, лет
разноцветные ленточки в Дарасуне
и дацана мерцающий свет.

Забайкальские розы цвели круглый год
пышным цветом, и цвет был багров,
и санчасть изводила канистрами йод
и зелёнку под смех прапоров.
И две трети полка на плацу без сапог,
исключение — сибиряки.
Но спустился с небес бронетанковый бог
и слонов произвёл в черпаки.
Наступает рассвет. Расступается тьма.
И мы едем вдоль майской реки
ремонтировать и доводить до ума
генеральские особняки.
Приближается цель — удлиняется цепь,
просыпается родины страж.
За вагонным окном бесконечная степь
переходит в таёжный пейзаж.
И в рассветных лучах, сквозь оконную грязь,
добрым молодцам — пьяным бойцам —
открывается суть, обновляется связь,
проступает небесный дацан.
А потом Дарасун, и уже навсегда,
исцелившись на годы вперёд,
разноцветный салют на кустах, где вода
из трубы минеральная бьёт.
И девятого мая, до звона в ушах, —
впрочем, как и столетье спустя,
мы горланом про жён и чеканом свой шаг,
сапогами на солнце блестя.

200

Забивали на труд, выпивали на «Правде»,
огурец малосольный по-братски деля,
и не праздника ради,
а веселия ддя.

Посылали гонца в тридевятое царство
и смотрели вослед с золотого крыльца.
А гонец испарялся:
ни винца, ни гонца.

«Ничего, — говорили себе, — возвратится».
«Не беда, — говорили себе, — подождём».
А весенняя птица
похмелялась дождём.

Ждали час, ждали день, ждали век — утешенье
в тишине разговоров ночных находя
под земное вращенье
и песню дождя.

И смотрели на Пину, уехав из Пинска,
где сирень отцвела и белел краснотал.
А гонец возвратился,
да нас не застал.

201

Я с миром был в любовной ссоре.
Роберт Фрост

Покуда зеленели вязаы
и дождь позднеиюльский лил,
я с миром в ненавистой связи
непрекращающейся был.

Мир говорил листвою зелёной
и говорил журчаньем птиц,
но не было для уязвлённой
души пределов и границ.

Она, ища, не находила
того, что было рядом с ней,
и затемняла, и темнила,
и тенью сделалась теней.

Она и видела вполглаза,
она и слышала едва,
покуда дымом «Голуза»
не стала в октябре листва.

А птицы пели еле-еле
и вскоре замолчали вдруг,
пока совсем не улетели
и не облюбовали юг.

202–204. Это...

1

это если от МКАДа
в двух минутах или от
утреннего снегопада
о котором Элиот
в переводе Топорова
сто без малого назад
лет свое замолвил слово
обессмертив снегопад

2

это Ленинские нет
это горы Воробьёвы
где рябиновый рассвет
и где зимние обновы

это я совсем один
и при всём честном народе
пустобрёх и нелюдим
в пояс кланяюсь Володе

это мальчик у виска
пальцем крутит пальцем вертит
ах Москва моя тоска
и слова мои на ветер

3

это если от «Пушки» по Бронной
никуда не спеша в гололёд
к Патриаршим но не похоронной
а командой готовой в полёт
по сигналу по красной ракете
никого не теряя в пути
и не плача как малые дети
а смеясь и ликуя идти

205

Грех жаловаться, и всё же
я жалуюсь, как на грех:
лет двадцать гусиной кожи
не видел у пинских рек.

Уверен, что дует ветер,
не может не дуть — пора,
но я его не заметил,
прошляпил его с утра.

Ах, мне бы проснуться раньше,
а я проспал, боже мой,
и все до одной мурашки
заторопились домой.

Но нет ни тоски, ни грусти —
пожалуй, наоборот,
пока муравьи и гуси
меня переходят вброд.

206

Летним утром на море
грею старые кости,
забывая о горе,
о разлуке и злости.

Не нарадуюсь гею,
и еврею, и гою:
где хочу, там и вею,
где хочу, там и вою.

207. По имени-отчеству

А Вадим Валерианович не говорил —
по крайней мере в лицо,
как Серёга, Вовка, Васька, «Штирлиц»,
ещё один Серёга говорили
и в лицо, и по.

И Александр Сергеевич говорил,
и Николай Васильевич говорил,
и Фёдор Михайлович говорил,
и Александр Александрович говорил,
и Зинаида Николаевна говорила,
и Дмитрий Сергеевич говорил,
и Сергей Александрович говорил, —

всех не упомнишь.
А Вадим Валерианович — нет.
Но рассказывал о, и читал наизусть:
Фёдора Ивановича, двух Михайловичей
(Михаила и Николая), Алексея Тимофеевича,
Анатолия Константиновича...
Я был студийцем у него в лито на «Трёхгорке».
Как я ждал этих сред,
чтобы послушать Вадима Валериановича,
который дружил, выпивал и певал
с Иосифом Ефимовичем и
с Наумом Моисеевичем.
Более того — он даже похвалил
один мой стишок, — плохой, кстати.
Но жид пархатый я от него не слышал.
По крайней мере, в лицо.

208

Как безударные гласные —
не на слуху и в тени:
тихие, зябкие, ясные
позднеосенние дни.

Время течёт тёмно-синее
медленно реками вен,
небо читая предзимнее
и Соколова В. Н.

209. Гражданская лирика

На кухне опять — втихаря и тайком —
сутуло и всё-таки прямо,
присядем рядком и обсудим ладком
просодию у Мандельштама.

Начнём, наконец-то, мужской разговор —
забудем о дрызгах и спорах:
силлабо-тонический хор до сих пор
звучит на российских просторах.

Забудем, что Кремль существует и что
на выданье чахнет невеста, —
умрём, как один, чтобы лет через сто
вернуться на лобное место.

Мы даже мечтать не могли о таком
в стране победившего срама.
Присядем рядком и обсудим ладком
просодию у Мандельштама.

210

Как будто капли с рук —
стряхнул остатки сна,
и стала жизнь вокруг
привычна и тесна.

И, растворившись в ней,
я вижу, как во сне,
элизиум теней,
сочувствующих мне.

211

Пока не вышел вон —
черкни мне пару строк:
глаголицей ворон,
кириллицей сорок.

Я больше не могу
увидеть из окна —
на тающем снегу
родные письма.

212

Мой брат, на склоне дней
мы больше не враги:
попридержи коней,
а лучше распряги.

И отпусти в луга,
где травы зелены.
И возлюби врага
до будущей войны.

213

Как если бы кто-то —
неведомый там:
сбивался со счёта
и снова считал
ушедших навечно —
оставшихся тут.
Пустой бесконечно
и полный сосуд.

214. Дядя

Под старой Руссой ли, под Новым
Осколом, — тихо как во сне,
он садом вдруг расцвёл вишнёвым
и яблоневым по весне.

Цветёт и пахнет дядя Хона,
поют и плачут соловьи,
как до войны во время оно
под аккомпанемент любви.

И как ни дико, как ни странно,
но эта песня поутру
была любимой у Ивана
и по сердцу была Петру.

Они цвели бок о бок, рядом,
уже восьмой десяток лет.
И плыл, как облако над садом,
вишнёво-яблоневый цвет.

215

Ах, пани Марыля,
ах, пани Агнешка,
разглажены крылья
и вами, конечно.

Расправлены вашей
любовью пречистой:
небесный пан Анджей,
земной пан Станислав.

Но в генах и в сердце,
отравленных мраком, —
Едвабне и Кельце,
Варшава и Краков.

Ах, пане-панове,
ах, панночка-пани, —
закат цвета крови
и слёзы по пьяни.

Не жертвы, не каты, —
летим что есть силы.
Как птицы, крылаты.
Как люди, бескрылы.

216

от прокуренных жабр что толку на дне морском
целый век бы лежал не думал бы ни о ком
ни о чём не думал лежал бы и в ус не дул
дирижабли-рыбы и вечности синий гул
и в себя глядел бы прислушиваясь не дыша
как с земли на землю смотрит моя душа

217

Твоё из прошлой жизни фото,
где ты в змеино-чёрном платье,
как па-де-де из «Дон Кихота»
Барышникова в третьем акте, —
вдруг выпавшее из альбома
летит, не ведая износа,
на фоне неба голубого
и Дульсинеи из Тобосо.

218

На ветке просто так —
без дела и без страха:
сидели серый птах
и серенькая птаха.

И мы на них с тобой —
без грусти и печали —
вдвоём наперебой
смотрели и молчали.

219

И прямиком со школьной парты
мы стартовали, наконец, —
свои космические карты
сверяя с памятью сердец.

Но проворонили стыковку
и вылакали млечный путь.
Но божью, видит бог, коровку
не потревожили ничуть.

220. Колыбельная

А. А.

Те и эти, те и эти
окружают нас с тобой:
разномастные соседи
по планете голубой.

И планета голубая
любит этих, любит тех
и, ночами байки бая,
убаюкивает всех.

Баю-баюшки, младенец,
баю-баюшки, Кощей,
переделать не надеясь
ход событий — суть вещей.

Спи любимая, не бойся, —
баю-баюшки-баю, —
пролетая мимо Босха
мрачной бездны на краю.

221

Прости мне, Господи, стихи
во время боя,
они беспомощно тихи
и громче воя.

Они, конечно, про любовь
как таковую,
а не про то, как льётся кровь
на мостовую.

Неформат (2015)

222

Памяти Н. Г. Михайловской

Дорогая Наталия Георгиевна!
Простите безграмотного уroda.
И дня не проходит, чтобы я Вас не вспомнил, —
ошибки, ошибки, ошибки:
лексика и фразеология,
фонетика и фонология,
графика и орфография,
словообразование,
грамматика (морфология и синтаксис), —
всё, абсолютно всё, —

кроме пунктуации —
её уничтожил как класс
Наталия Георгиевна дорогая
я до сих пор путаюсь
в правописании не и ни
-ан и -ян гласных после шипящих
и ц после приставок в неударных
гласных в корнях слов в суффиксах
в личных глагольных окончаниях
в наречиях и предлогах
в написании слитных через дефис
чёрточки и отдельных в правилах
переноса в прописных или строчных
ъ и ь сложносочинённых сложно
подчинённых бессоюзных
в интонации логических ударениях
в главных и второстепенных членах
предложения в однородных и
обособленных и т д и т п
дорогая Наталия Георгиевна
в своей жизни я встречал
только двух человек которые
всё знают помнят и никогда
не ошибаются в правописании
вы и мой любимый друг
Алёша Алешковский
и когда у меня возникают
проблемы а они возникают всегда
он матерясь и охая приходит
на помощь
Наталия Георгиевна дорогая
простите мне пожалуйста
мою безграмотность увы
она безпросветна и неизличима
и с этим ничего не поделаешь
об одном вас прошу
оттуда сверху изредка
иногда посмотрите на меня

без презрения но с сочувствием
а я по мере своих слабых сил
здесь на земле обещаю
как можно меньше
осквернять великий и могучий
аминь

223

Учиться влом, в любви облом,
курить по кругу за углом —
и на линейке быть распятым.
И чувствовать себя битлом —
незримым пятым.
Слесарить, и качать права,
и водку запивать чернилом.
И аты-баты и ать-два
в ЗабВО метельном и унылом.
Но не подсесть на озверин
от жизни брэнной или бранной,
и петь про yellow submarine
бурятке Йоке полупьяной;
и снова ощутить — незрим,
в своей стране — как в иностранной.
Молчи, скрывайся и терпи, —
живи бездарно и безбожно,
пускай подлодкой на цепи,
но только жёлтой, если можно.
И в полночь получить с небес
от Джона SMS.

Хороша ли погода в Париже?
Не дождит ли? Не ветрено ли?
Я летаю всё ниже и ниже
и спасенья ищу у земли.

Так же бьётся ли сердце Монмартра?
И жива ли коза в Тюильри?
Я ещё полетаю до завтра,
как у Эйфелевой сизари.

Полетаю в тиши листопада.
А потом растворюсь навсегда
в суете Люксембургского сада,
как на утреннем небе звезда.

225

А крылья мотылька,
промокшие насквозь,
нелетные пока —
повешены на гвоздь.

Бескрыло мотылёк
от них невдалеке
согрелся и прилёг
и спит на потолке.

226

я оборвал на полу
молчала и молчи
из детства радиолу
поющую в ночи

цифирь пришла на смену
убогости былой
и попадает в вену
невидимой иглой
молчала не винила
не проклинала свет
лишь капелька винила
скатилась на паркет

227

Хватит о воде и вате —
жизнь одна и смерть одна.
Слониками на серванте
пустота посрамлена.

Выстроились по ранжиру:
раз, два, три, четыре, пять...
Граду посланы и миру.
Улетать? Не улетать?

Улетели друг за другом —
гуси-лебеди мои —
к африканским летним вьюгам,
к зимним пастбищам любви.

228. Бабушка

И хлебные крошки
собрав со стола,
по лунной дорожке
на небо ушла.

Покуда в городской пыли
дышал, как рыба, я,
прогнулось небо до земли
под тяжестью шмеля.

И от гудения его
июльский день оглох.
И ничего. И никого.
И шмель летит, как Бог.

— Не пей с Валерой, — говорил
мой друг Володя.
А сам, не зная меры, пил
в плену мелодий.

— Не пей с Володей, — говорил
мой друг Валера.
А сам в плену мелодий пил,
не зная меры.

И я не спорил с ними, но
пил с тем и с этим,
и, как закончилось вино,
сам не заметил.

И как ушёл один, и как
второй в завязке...
А я остался в дураках
из доброй сказки:

полцарства пропил и, в живых
не числясь даже,
соображаю на троих
в ночном трельяже.

231

Воздушный змей —
искусственный на вид —
среди ветвей
застрял и не летит.

И этому
он бесконечно рад.
Покой и тьму
предпочитает, гад.

232. Металловедение

Это, пожалуй,
уже перебор:
медный пожар
и Серебряный Бор,
наоборот — не хватало
птицам осенним металла.
Так себе песни —
прощальное «си»,
солнце, хоть тресни,
проси не проси —
больше не светит певуче
сквозь оловянные тучи.
Это — еще бы! —
уже перехлест:
дятел без пробы,
синица и клест

в дождь на рябиновой ветке,
как в металлической клетке.
И на берёзах намокла, дрожа,
ржа.

233–239. Без дождя

1

И всё чаще, год от года,
не отчаиваюсь я,
как июльская природа
в ожидании дождя.

Пью безвременье из блюда
и уверен: жди, не жди —
обязательно прольются
эти летние дожди.

2

А у дождя походка лисья
и, видно, времени в обрез:
явился и не запылится
и неожиданно исчез.

Необязательный, весенний,
и позабытый, как винил,
но страхи зимние рассеял
и городскую пыль прибил.

3

Дождь вторые сутки — чем не
лишний повод для тоски;
одинок и никчемно,
как непарные носки.

Дождь идёт вторые сутки
и не чувствует вины,
как реклама в промежутке
необъявленной войны.

4

Дождь прекратился — криво
бежит ручей, звеня,
не требуя долива,
не глядя на меня.
По кочкам, буеракам...
Куда бежит? На кой?
Гонимый только страхом —
не встретиться с рекой.

5

на рояле
небесного цвета
не играли
почти что всё лето
в сентябре
разненастилось и
на тебе
отыгрались дожди

6

Выдавливая из себя
по капле — кап да кап,
сентябрь в начале сентября —
сухого лета раб —
так измывался, брал на понт,
за горло, на измор,
что Made in China чёрный зонт
прокаркал: Nevermore.

7

Живут же где-то,
не переводя,
как стрелки — лето
на язык дождя.

Тепло и сухо,
глухо и темно,
и время-сука
вытекло давно.

240

Не веришь в загробную —
веришь в любовь после смерти,
при жизни — подобную
птице, попавшейся в сети.

И, глядя из осени
в синее небо разлуки,
о том, чтоб подбросили,
просишь поймавшие руки.

241

Нет, я благодарен, конечно, по гроб,
но я не знаком со страной,
как будто сменили на фосбери-флоп
испытанный перекидной.

Состарилась фауна, флора не та
и я, к удивленью, не тот,
и — взятая мной — отошла высота,
как минимум за горизонт.

Кроссовки и форму повесил на гвоздь
и больше высот не беру,
и время — незванный, но избранный гость —
погасло свечой на ветру.

Я русский забыл и не вспомнил иврит,
и думать о будущем влом.
А чайка над морем, как Брумель, парит,
воды не касаясь крылом.

242

воробьи и трясогузки
пели песни не по-русски
у могилы на виду
в мандариновом саду
у покойницы старухи
на груди лежали руки
выражение лица
в песню вслушивается

243

Забудется «где»,
но запомнится, как
ходил по воде
и тонул в облаках.

Но выплыл давно —
безразлично уже
небесное дно
сухопутной душе.

244

От слов кружится голова —
родных, как иностранных.
У Константина — кружева,
а у Бориса — пряник.

Они украсят нашу жизнь
и подсластят пилюлю,
и мы, на воздух опершись,
в кармане спрячем дулю.

Потом печаль с лица сотрём
и станем полнолунием.
А Тула — бредит декабрём,
а Вологда — июнем.

245

Перечитывая прозу
Ковалея в который раз,
не нарадуюсь морозу
и теплу любимых глаз.

Будто заново откроешь
мир в морозной тишине,
где рябиновая горечь
тихо светится на дне.

246

ему ему ему
оставившему свет
ушедшему во тьму
на сорок тысяч лет
навечно навсегда
без отдыха в пути
пустынная звезда
свети свети свети

247

Не удержала — цадик, грешник,
католик, русский, иудей, —
солонинка — в один из вешних
декабрьских дней.

Не удержала — не сумела,
как ни старалась — не смогла:
солонинка и Саломея —
ночная мгла.

248

Не усложняй! И так всё сложно,
учись у декабря — смотри:
как просто — проще невозможно —
сидят на ветках снегири.

Укутанные в пух и перья,
изнемогая от жары,
они украсили деревья,
что новогодние шары.
И обмороженная ветка
предоставляет им ночлег,
и долгой ночью, редко-редко,
очнувшись, стряхивают снег.
Не усложняй! А на рассвете
проснись ни свет и ни заря
от репетиции на флейте
державинского снегиря.

249

И. П.

Не объедки, нет, а крохи —
крошки с царского стола,
что остались от эпохи
и судьба недодала.

Бормотанье, заиканье,
словом ночь озарена:
от Фелицы и до камня —
далее путём зерна.

250

Какие наши годы?
Октябрьские воды —
не вешние, конечно,
но это — чисто внешне.

Какие наши планы?
Черничные поляны,
берёзовые рощи
и ангелы попроще.

251

Ты царь:
живи один.
Букварь
твой господин.

252

Какая лёгкая походка!
Какая полная луна!
Бессмысленно и неохотно
пересекает двор она.

Как мельхиоровая ложка,
засахаренная в меду, —
идя, не двигается кошка
у спящих окон на виду.

253

Двух пташек из окна
я вижу-слышу вечно,
где поздняя — грустна,
а ранняя — беспечна.

Они друг с дружкой не
знакомы, слава Богу,
иначе бы во мне
посяли тревогу.

А так: одна поёт,
другая спит на ветке,
а я за годом год
на них смотрю из клетки.

254

Поэзия — не что иное,
как мрачной бездны на краю
божественная паранойя
и разговорчики в строю.

255

Просто сердце отключим,
чтобы слышать без мук
деревянных уключин
по-над речкою звук.

Пересохнет, мелея,
речка с каждым гребком,
ни о чём не жалея,
не скорбя ни о ком.

256

Даже не думай об этом —
выброси из головы:
летом, дождями отпетом,
выползти из травы.

Спрячься в траве, как улика,
ляг на прохладное дно,
поползновенье, улитка, —
мокрое, в общем, пятно.

257

играю на расчёске
рифмую на песке
а думаю о тоске
любви тире тоске

по той простой причине
что совмещаю я
трагедию пуччины
и лёгкость бытия

258

При неизбежном расставании
жизнь не становится ясней.
На пионерском расстоянии
танцуем буги-вуги с ней.

Давай, чувак, дадим эмоциям
последний выход за черту
и, звёздным доверяясь лощам,
пройдём по Млечному стриту.

259

Питаясь мякотью налива —
пусть неосознанно пока —
смерть отвратительно червива
и упоительно сладка.

И, убивая то, что мило,
и то, что было любо вам,
она летит чешуекрыло
и дарит радость воробьям.

260

По старой армейской привычке:
за время горения спички —
за сорок, как помнится, сек. —
увидел я всех.

Припомнили, поговорили,
подрезали прошлому крылья,
и — хлебного выпив вина —
смотрели на звёзды со дна.

261

Гаэтано Доницетти...
Это музыка без нот,
это пойманная в сети
птица плачет и поёт.

Предпочёл бергамским вязам
паутинную тюрьму,
или реквием заказан
не кому-то, а ему?

Обречённая попытка —
жить в раю, забыть про ад,
и любовного напитка
выдыхающийся яд.

262

И вроде бы надо
привыкнуть уже
к тоске листопада
в осенней душе.

И вроде бы нужно
смириться давно,
что время недужно
и хмуρο кино.

И в кои-то веки:
забыться, уснуть,
как птица на ветке,
предчувствуя путь.

263

Никогда ещё не поздно
всё начать с нуля.
Ночь тиха и небо звёздно,
и пуста земля.

Никогда ещё не рано —
задремать в ночи
стрекозой среди бурьяна,
припеваючи.

264

Долго ли, коротко ли, —
не пойму:
молча текли
муравьи, и во тьму
перетекали
бесшумным ручьём...
Жизнь, как вначале,
и смерть нипочём.

265

Полночь. Сердце. Неотложка.
Скорбные дела.
Млечной скатертью дорожка
по небу легла.

И по ней на все четыре,
как июльский дождь,
ты идёшь, бренчишь на лире,
песенки поёшь.

266

Если ростом не вышел
в сорок первом году, —
не достанешь до вишен
и черешен в саду.

Из-за малого роста
не попробуешь их.
Но останешься просто
после боя в живых.

267

А. Ф.

Слово за слово... Снова и снова:
и отталкивая, и маня,
не родная, но родная мова,
как Антея, держала меня.

Мать-и-мачеха — Припять и Пина,
где світанак и захад багров.
Возвращение блудного сына,
в говорящий на идише ров.

268

В ус не дую и, пока
отрастает ус,
зафрахтую облака
под осенний груз.

Загружу их, как суда,
золотом листвы,
чтоб ни в чём и никогда
не нуждались вы.

269

Это присказка, это не сказка, —
сказка будет потом, а теперь
надо мною взлетает указка
и за мной закрывается дверь.

И вдогонку учителя голос:
— Без родителей не приходи!
Не приду. Никогда. Расколось
сердце надвое — пусто в груди.

270

Галочке

Примерил на себя
чужую жизнь — она,
как небо октября,
убога и тесна.
Чужая, что с неё,
поношенной, возмёмшь:
тоска, житьё-бытьё,
реки осенней дрожь.

А жизнь моя — сирень
и летний дождь слепой, —
прикид на каждый день.
«Пой, птичка, пой!»

Своими словами (2018)

271

Как Рембо — завязать навсегда
со стихами, забыть и забыться,
чтобы только: корабль и вода
и матросов похмельные лица.
Озарение? Боже ты мой!
Озарение — грудь эфиопки, —
нечто среднее между хурмой
и «Клико», вышибающей пробки.
Небожитель и негоциант —
путешественник на карусели,
умирать возвратившийся Дант,
в госпитальном крошечном Марселе.
Как Рембо, говоришь? Говори.
Поливай и окучивай грядки,
тиражируя скуки свои
на шестом и бесславном десятке.

272

А. А.

Боже, на время любви и стряпни —
смилуйся, не обессудь, —
верхнюю пуговку мне расстегни,
дай отдышаться чуть-чуть.

Сослепу дай оглядеться вокруг,
время привыкнуть глазам
дай, и меня не бери на испуг —
я испугаюсь и сам.

273

Забиться ли в угол, забиться ли сном —
неведенья для, созерцания ради:
чернильным пятном
в пожелтевшей тетради.

Прислушайся — слышишь: отныне и впредь
стучит, не смолкая, как пепел Клааса, —
в тетрадную клетку
ярко-красная клякса.

274

в зависимости от
мурлычешь или нет
под нос не зная нот
не замечая лет
свет чёрен или бел
разорванной целой
среди небесных тел
и парковых аллей
ответом на вопрос
зачем и почему
мурлычь себе под нос
как если бы ему

275

Ноябрьское небо опустится
на землю, и будет нельзя
смотреть, как летает капустаница,
и к ней набиваться в друзья.

А очень хотелось бы. Осени
уже наступила страда,
и чувство — ещё не матросили,
но бросили навсегда.

276

Господи, освободи из клетки
и убереги от чепухи,
дай мне постоять на табуретке,
с выражением прочесть стихи.

Я не буду кукситься и дуться.
Я хочу, обиды не тая,
только посмотреть, как пьёт из блюдца
чай вприкуску бабушка моя.

Снова папа молодой и мама
молодая жизни посреди.
Детства унижительная драма
и восторг сегодняшней в груди.

Времени остатки и объедки...
Что там за окном? Ноябрь-май!
Господи, освободи из клетки,
постоять на табуретке дай.

Я стою, и нет меня счастливей.
Я стою и не скрываю слёз.
У меня на сердце майский ливень
и ноябрьский на душе мороз.

Я стою, и надо мною звёздно.
Я стою, и подо мной вода.
Возвратиться — никогда не поздно.
Поздно. Не вернутся никогда.

277–281. Родители

1

Мишу рифмюя и Симу,
рифмы не зная точней,
переживу эту зиму
и позабуду о ней.

Будет не холодно с ними —
холодно было без них.
Помнит о Мише и Симе
их постаревший двойник.

Вьюга становится тише,
и затихает в душе.
Близости Симы и Миши
не удивляюсь уже.

Словно еловая лапа —
снежная в зимнем лесу,
ласково мама и папа,
глядят меня по лицу.

2

не средиземное чёрное
вечное на голубом
фоне всегда обречённое
на забытьё и альбом

фото увидеть спешу я
чтобы войти наконец
в море где мама ошую
и одесную отец

3

Плыть потому и затем лишь,
что существует вода.
Сердце разбито — поверишь, —
вдребезги и навсегда.

Думать о папе и маме,
плыть и на небо смотреть,
чувствуя дно под ногами
или небесную твердь.

4

«Журавли» не Гамзатова
в переводе Н. Гребнева,
из того невозвратного —
незабытого — времени,
в исполнении пьяного
папы тридцатилетнего
сплю и слушаю заново,
забывая, что нет его.

Говорят, что я на папу
стал со временем похож.
В первый раз надену шляпу
и надену брюки-клёш.

Днём погожим, звонким, летним,
у прохожих на виду,
папой двадцатидвухлетним
с мамой по небу иду.

282

Смотрел на стрекоз, любовался на пчёл,
завидовал жалу осы —
и стал насекомым, но не перевёл
на зимнее время часы.

Летал легкокрыло, как будто в раю
и даже сумел рассмотреть
фасеточным сердцем — не чью-то — свою
в мельчайших подробностях смерть.

283

Я слов не нахожу,
немея год от года,
понятных и ежу
без сурдоперевода.

Но слышу до утра,
как невозможно тихо
под скрипку комара
во сне поёт ежика.

284

В трудах и заботах о хлебе,
не зная покоя и сна,
как курица лапой на небе
свои начертать письмена.

А наши прекрасные дети
(какая ужасная месть!)
не смогут каракули эти
на небе закатном прочесть.

285

Куда же ты? Постой!
Ты человек, не птица:
из клетки золотой —
и в небе раствориться.

Стать небом, тишиной
и мыслью о побеге,
где в колыбели Ной
и космонавт в ковчеге.

286

Я скоро две трети
с отцом наяву —
со скоростью смерти
на свете живу.

Со скоростью света
по сторону ту,
где шляпа из фетра
и спичка во рту.

287

Закругляя углы постепенно,
превращаешься в круг.
Не предательство и не измена —
это время, мой друг.

Это летом — январская вьюга,
а зимой стрекоза,
это мы, обнимая друг друга,
закрываем глаза.

288

Я часами сижу у окна
и смотрю на сирень.
На глазах распустилась она
за какой-нибудь день.

Я смотрю на сиреневый дым,
но не вижу огня.
И становится время седым
и летит сквозь меня.

289–290. Собачий вальс

Памяти Донны

1

Полночных звёзд огни
на этом и на том.
Пожалуйста, вильни
обрубленным хвостом.

Что на дворе? Июнь?
Или январь? Вопрос.
В моё безделье сунь
прохладно-мокрый нос.
Залай, как никогда
не лаяла, мой друг...
Полночная звезда
с небес упала вдруг.
Печаль-тоску гоня,
глядишь из темноты.
А поутру меня
выгуливаешь ты.

2

Ночь тиха. Собака рядом,
непонятная ежу.
Я отсутствующим взглядом
долго на небо гляжу.
Ёж в растерянности — нету
или есть собака, а?
Снова выгорела к лету
левантийская трава.
Я читаю в небе знаки,
прерывая забытьё,
об отсутствии собаки
и присутствии её.
Нет её давно, конечно.
Но, от радости дрожа,
звонко лает, безуспешно
наезжая на ежа.

291

Прямиком из коляски,
не послушавши мать,
за красивые глазки
я пошёл воевать.

И на первой минуте
пал в неравном бою:
— Передайте Анюте
бескозырку мою.

292

Какая долгая дорога
под монотонный стук колёс.
Но гимназист из Таганрога
уже «Ich sterbe» произнёс.

293

Проснуться затемно — пока
ещё и птицы не проснулись:
не видеть — слышать рыбака
среди офонаревших улиц,
несущего рыбацкий скарб,
вздыхая и кряхтя под грузом,
к реке, где зазеркальный карп
ощупывает бездну усом.
И, засыпая, слушать птиц,
и сон увидеть на рассвете:
непродолжительный, как блиц,
и удивительный, как дети.

294

Рукой зачерпни и смотри не пролей —
хотя не с руки:
размытую копию тополей
июньской реки.

Домой принеси и на стену повесь —
квартиру укрась.
И взглядом ласкай тополиную взвесь,
где плещется язь.

295

Лобзиком по фанере,
будто по сердцу — вжик.
И оживают звери,
чтоб пожирать живых.

И оживают тени
прошлого, и растут,
чтобы прийти за теми,
кто задержался тут.

296. Из детского альбома

Я учился, влюблялся, дружил —
я был счастлив, как не был ни разу:
посреди разорённых могил,
но невидимых сердцу и глазу.
Что ты скажешь теперь, балабол?
Теплотрасса нуждалась в ремонте!
С пацанами играли в футбол
черепами Рахели и Моти.

И, пока не ударил мороз,
мы играли на улице нашей
черепами Исаков и Роз,
черепами Дебор и Менашей.
Я стоял на воротах. Я был
вратарём, подающим надежды.
Я учился, влюблялся, дружил.
Я был счастлив. Закройте мне вежды.

297–298. Полёт пчелы

1

Летите и не обессудьте,
что, покидая майский сад,
вы не дошли до самой сути
и возвращаетесь назад.

Летите, отложив на чёрный
и приближающийся день.
И полуобморочно пчёлы
летят в спасительную тень.

2

Забудь о том, что время истекло
и с болью зарифмована неволя, —
спаси пчелу, что бьётся о стекло,
лети домой из плена застеколья.

Забудь о том, что будет впереди,
и не держи на прошлое обиду.
И дальнозорко за пчелой следи,
пока она не скроется из виду.

299

На чистую воду
я вывел себя:
меняю свободу
на плен сентября.

Меняю не глядя
остатки свобод —
на зеркало глади
темнеющих вод.

300

Я вишу магнитиком Made in China:
Ниагара слева, матрёшка справа.
Оказался рядом совсем случайно —
не по чину мне Хейердала слава.

Холодильник старый жары не вынес —
на дворе под сорок, в разгаре лето.
Вы купили новый двухдверный Siemens
и украсили хлопцем из Назарета.

301

Во двор зайду — в котором время
остановилось навсегда:
сарай, лавочки, деревья
и полуночная звезда.

Зайду последний раз впервые
загладить старую вину
и молча медсестре Марии,
несуществующий, кивну.

302. Бах

Умаялся и как
убитый спит — ему
на белых облаках
играет Рихтер тьму.

303

Я полмесяца — каждое утро —
лишь проснувшись, впадал в забытьё:
зацвела не сирень, но как будто —
то, что я принимал за неё.

Просыпался, вдыхая до дрожи
этот запах сиреневый, да?
Отцвела — не сирень, но похоже,
и похоже — уже навсегда.

304

Г. А.

Я заплачу неустойку,
я рассчитаюсь сполна.
На разноцветную сойку
дай посмотреть из окна.

Дай на неё заглядеться
только на четверть часа.
И не вернуться из детства
чистого, как небеса.

Ялта. Съёмка «Буратино».
Басов, Этуш и Гринько.
Молодые папа с мамой.
Семьдесят четвёртый год.
Скуки школьная рутина —
вспоминается легко.
И совсем не пахнет драмой,
а скорей — наоборот:
пахнет счастьем, пахнет пляжем
и загаром женских ног;
мне — тринадцать с половиной,
бес и ангел за плечом.
Карабас уже не страшен,
Дуремар — красив как бог!
И разлукой с Буратиной
папа Карло огорчён.
Мой отец — совсем немного
выпив — весел и здоров:
«Надо жить как можно проще
и не думать о былом».
Но бежит, бежит дорога,
и халаты докторов,
как берёзовые рощи
за автобусным стеклом.
Но пока — тоска-кручина
бесконечно далеко.
Будущее тихой сапой
по пятам за мной идёт.
Ялта. Съёмка «Буратино».
Басов, Этуш и Гринько.
Молодые мама с папой.
Семьдесят четвёртый год.

306

Предупреди меня, пожалуйста,
заранее предупреди
о том, что на исходе августа
тоской беременны дожди.

И, обескрылевшие, оба мы
смотрели на небо с земли,
где августейшими особами
планировали журавли.

307

Я не был никогда
поэтом молодым,
бурлящим, как вода,
и лёгким, словно дым.

Я сразу в старики
попал, как в переплёт,
сiju возле реки
и превращаюсь в лёд.

**Новая
(2019)**

308

В этом бизнесе ты лет, как минимум, сто
(пушки залпами по воробью) —
желторотый птенец, всё надеешься, что
снимешь лучшую фильму свою.

Ты же знаешь, что съёмки важнее, а не
результат. Сомневаешься? Нет.
И на белой, как утренний снег, простыне
вороньём проступает «The End».
Ты же веришь, и вера крепка, что броня,
и, что пух тополиный, легка.
Батальоны молчат. А ты просишь огня —
ураганного, наверняка.
Только так, не иначе, и ангельский хор
запоёт, чуть фальшивя, вот-вот.
Приготовились к съёмке! Хлопушка! Мотор!
И корабль по пустыне плывёт.

309

А. А.

Обратите внимание на
человека, что слева на фото:
он креплёного выпил вина
и работать ему неохота.
Как же я понимаю его,
как завидую завистью белой!
А вокруг — ничего, никого,
кроме неба и речки дебелий.
Те, кто рядом, — мираж и враньё.
Дверь исчезла. Сломалась отмычка.
Чёрно-белое счастье моё.
Навсегда упорхнувшая птичка.

310

Поставят на уши весь двор
два рислинга и три кагора.
Кто Кьеркегор? Я — Кьеркегор?
За Кьеркегора!

Не на чужие — на свои,
не вымокли, но отсырели.
За метафизику любви
и физику в кустах сирени!
Потом на танцы. А потом
лежать в траве девятым валом,
и звёздный лицезреть понтон,
и муравьям светить фингалом.
А утром снова на завод,
и, этим фактом опечален,
в автобусе сблюёт вот-вот
метафизический датчанин.

311–315. Из жизни насекомых

1

Комар в морозном декабре,
по комнате кружа,
неправду резал о тебе
и резал без ножа.
И он сводил тебя с ума
пищанием своим,
как если бы ты был зима,
а не заложник зим.

2

Я дожил до седин,
не преумножив зла,
но зренье посадил
и темень проросла.
Растёт, как на дрожжах,
и, зрея день за днём,
загустевает страх,
а я — как муха в нём.

3

В лесу, в пустыне и в степи,
придя издалека,
на муравья не наступи
и не убей жука.
И не пугай, и не лови,
как энтомолог-псих:
по локоть в собственной крови
и по колено в их.

4

Столкнулся с бабочкой — лоб в лоб;
и как ни странно — выжил, выжил.
Лежу в сугробе, и сугроб
от крови стал багрово-рыжим.
Лежу в сугробе, как во сне,
практически уже без тела.
А дело близилось к весне,
и в небе бабочка летела.

5

Если пристально взглядеться
и смотреть минуты две,
то увидишь в небе детство,
как кузнечика в траве.
Песней утренней и летней
ты заслушаешься вдруг,
и не станет день последний
днём печали и разлук.

Тунгус, и друг степей калмык.

А. Пушкин

Хорошо, если несколько стих., но скорее всего, что одно,
а возможно, совсем ничего: так-то, брат, так-то, друг, —
пусть не марочное, но вино
станет уксусом вдруг.

Вдруг? Не вдруг, а в течение лет, душегуб-однолюб.
Похмелись перед тем, как уйти в беспробудный запой,
где Эвтерпа, как палец у губ.
— Пой, залётная, пой!

Бесконечные ночи впотьмах, бессловесные дни.
Пустота городов обезлюдевших и деревень.
Не побрезгуй, потомок, макни
в этот уксус пельмень.

317. На рынке

— Что хотите, мужчина?

Ст. Ливинский

— Что угодно? Дыни, сливы?

Шум, волненья благодать!

— Чтобы мама с папой живы
были снова и опять.

Мне угодно, если можно,
мелким оптом и вразвес,
чтобы облако творожно
плыло в синеве небес.

Не жалея, родная, с верхом
насыпай и наливай,
чтобы ехал — век за веком —
краснопресненский трамвай.

Чтобы он застрял в метели,
не гремя и не звеня,
чтобы ангелы глядели,
улыбаясь, на меня.

318

Она ему читает Чехова,
в постели лёжа, перед сном,
на пятом этаже в Орехово-
Борисово, где за окном
во тьме осенней лесопарковой
растерянная тишина,
лишь молния блеснула сваркою,
да светит изредка луна.
На фоне мглы и неба хмурого —
молчанье птиц наперебой,
напоминающее Гурова
и разговор с самим собой.
Свет выключили. Дождь за окнами.
Дом обволакивает тьмой.
Счастливые — неодинокими
уснули... Анна! Боже мой!

319–320. Нерест

1

Плавниковых крыльев шелест,
на мгновенье задержись.
Это осень. Это нерест.
Это смерть и это жизнь.
И обратно, как под током,
плавниками шелестя,
возвращение к истокам —
поколение спустя.

Переступая через
и наступая на —
лосось идёт на нерест,
пока стоит луна.
Пока мелькают лица —
столетьям не в пример,
где память нерестится
и плачет браконьер.

321. Баллада

Я на «Зингере» летаю
с приводом ножным,
лицезрею швейных стаю,
сделав ручкой им.
Приручённые — в неволе
целый век живут.
Что им небо? Что им поле?
Что им неуют?
И у них одна забота,
чтобы толстосум
заказал из шевиота
дорогой костюм.
Застрекочут что есть мочи:
тук-тук-тук-тук-тук.
Дни и ночи, дни и ночи,
не жалея рук.
Чтоб, издав восторга звуки,
Эндрю или Жак
обалдел, примерив брюки
и надев пиджак,
чтобы вдоволь было хлеба,
водки-забытья,
чтоб глядел печально в небо,
где летаю я.

322

Как медленно, медленно время течёт,
и как вытекает мгновенно.
Рискнешь перекрыть этот краник — чем чёрт!
не шутит! — и лопнула вена.

И хлещет, и хлещет, и нету конца,
как нету предела у детства:
покуда смертельная бледность лица
не выдаст тебя наконец-то.

323

Долго взглядом провожали,
как смотрели небу в рот,
на затеянный стрижами
косметический ремонт.
Что ж, пока светло, покамест
не стемнело, — расскажи,
как заштопывали август
предзакатные стрижи.

324

Заливается, смеётся,
выпив рюмку, выпив две.
Носовой платок от солнца
у него на голове.

Праздник моря, праздник гвалта,
праздник жизни без конца.
Общий Крым. Родная Ялта.
Предпоследний год отца.

Еду на велосипеде,
еду, еду, еду я,
а навстречу мне соседей
муравьиная семья.
Поравнялся, разминулся
и продолжил дальше путь —
ни усталости, ни пульса
ни желанья отдохнуть.
Еду, еду, еду, еду:
слева — поле, справа — луг,
чтоб отпраздновать победу
над безвременьем вокруг.
Еду, облака касаясь:
жизнь легка и путь далёк.
На плече сидит, как заяц,
безбилетный мотылёк.

326

С увеличительным стеклом
рассматривать Дега.
Бездумно думать о былом,
где долгие снега.

И, невозможное суля,
запечатлеет взгляд,
как в снежных пачках тополя
на цыпочках стоят.

Не орёл — я поставил на решку
и живу с той поры кочево.
Монпансье с табаком вперемешку —
я вкуснее не ел ничего.
— Ешь, сынок, — говорит дядя Хона,
на ладони конфеты держа...
И, рыдая, леса похоронно
сердце резали без ножа.
Косогоры, овраги, пригорки,
зеленеет речная вода.
Горечь сахара, сладость махорки, —
не забуду уже никогда.
— Угощайся. — Спасибо, — ещё бы!
Угощаюсь, слезами давясь.
А под Старую Руссой сугробы,
согревая, укутали вас.
Небо — спереди. Прошрое — сзади.
Посредине — любовь и страда
в сорок третьем погибшего дяди,
не кутившего никогда.

Не сворачивая — прямо
вдоль по Пушкинской, пока
не упру́мся в Мандельштама
бесконечность тупика.

Что ему земная слава!
Что безмолвие в груди!
Яма слева. Яма справа.
И надежда впереди.

329

Реже листья. И всё тише-тише
время в лесопарках сентября.
Написать об этом восьмистишие —
как отредактировать себя.
Не болтать и меньше суетиться,
и парить, как облак, невесом,
чтобы только говорила птица
и редактор Виктор Фогельсон.

330

Мы были птицами. Сейчас —
как мухи в янтаре.
Какое, милые, у нас
мгновенье на дворе?
Нас нет давно, и нет двора,
и белый свет не мил.
Есть только миг! Хрипит с утра
заезженный винил.
Есть только миг! А значит, мы
опять на раз-два-три
летаем мухами зимы
безвременья внутри.

331

Младенец пахнет лесом, полем,
сиренью, мартовской рекой,
прибоем, звоном колоколен,
не нарушающим покой.

Он — всюду, от него не деться
состарившемуся тебе.
И запах счастья и младенца —
у снегопада в декабре.

332

С годами мы стали
похожи, как брат и сестра.
Осенние стаи!
И нам собираться пора!

Смешные пожитки?
Прекрасные наверняка!
И лунные слитки
отксерит ночная река.

333

Работа, дом, работа, дом, а завтра
с утра пораньше подмосковный лес,
где на опушке старый дуб внезапно
в прикиде группенфюрера СС.
Сморчки, опята, рыжики, лисички,
базар сорок и вспышкой бересклет.
И у окна последней электрички
с младенцами в руках радистка Кэт.

334

К. К.

Выйти в русское поле,
где ночная звезда,
и мечтать о запое,
завязав навсегда.

Где безлюдная замять,
где Есенин и Блок?
И с размаху — на память
разрубить узелок.

335

зачем ты вторишь
уходя во тьму
что ты не сторож
брату своему
и неприкаян
рядом никого
уходит каин
сердца своего

336

И, не заламывая руки,
всего на несколько минут —
простые запахи и звуки
тебе родителей вернут.

Чем не классическая проза,
точнее — музыка её:
в дом принесённое с мороза
окаменевшее бельё.

337

За язык не тянули, я сам
никого не виню,
проболтался осенним лесам
и ночному огню,

что устал, и уже навсегда,
и уже до конца.
И бежит дождевая вода
по оврагам лица.

338

Чиркнуть о стену, а не
спичечный коробок,
чтоб через век на стене
след обнаружить, глубок
и несмываем дождём —
временем, словно иврит.
Смотрим на пламя и ждём.
Спичка горит и горит.

339

С жизнью играли,
не зная предела и горя,
были горами,
а стали песочком у моря.

Небо с овчинку,
рассветного солнца личинка,
где на песчинку
глядит золотая песчинка.

340

Друг, на время февральской стужи
и отсутствующей земли —
затяни ремешок потуже,
дырку гвоздиком проколи.

Затяни, не вернись из рейса,
навсегда оставаясь «там»,
заодно у плиты согрейся,
повторяя: пропан-бутан.
Плоскогубцами — ну же! ну же! —
над конфоркою гвоздь зажав.
Затяни ремешок потуже
на развалинах трёх держав.
Не унять предотлётной дрожи
и невыделанной души...
Жжёным запахом вечной кожи,
затянув ремешок, дыши.

341

К. Ю.

И мы, погружаясь в туман-аммиак,
одни в мирозданье пустом,
слетая с катушек, врубаем «Маяк»
и слушаем «Роллингов» стон.

На бредущем, полночь и напрямик —
туда, где любви торжество,
где в мире бушующем есть только Mick,
и птицы — пророки его.

342

Макулатура
и металлолом.
Пусть небо хмуро
и в любви облом,
и мухой время
в дебрях паутин...
Спасём деревья,
в космос полетим!

Сергей и Юра
курят за углом.
Макулатура
и металлолом.
Фальстарт забега.
Фотофиниш звёзд.
За Гутенберга
с Фёдоровым тост!
Кровати ржавой
музыка пружин.
Горды державой,
листьями дрожим.
Не пуля-дура,
я застрял в былом.
Макулатура
и металлолом.
И душат слёзы
жизни водосток...
Поют берёзы!
Стартовал «Восток»!

343–345. Молодость моя...

1

Металлические перья
не просохли от чернил,
но, уже в любовь не веря,
мальчик сердце зачынїў.
Но уже на сердце хмары
и ноябрьские дажджы.
Он идёт один, без пары,
вермут пить за гаражи.
Дождь прошёл. И небо чисто.
Чисто-чисто, как зима.
И счастливее горниста
ўжо на ўсёй зямлі няма.

Бабушка Фрума
и дядя Аврэмул
думают думу,
не глядя на время.
Молча сидят
и гоняют чаи.
Утренний сад,
где поют соловьи.
Дядя Аврэмул
и бабушка Фрума.
Памяти бремя
и горестей сумма.
Белый налив
и гудение пчёл.
Жизни мотив
на любовь обречён.
Небо над садом
бездонно и звёздно.
Вечные — рядом,
и всё-таки розно.
Вместе опять,
и уже до конца.
Всё. Надо спать.
Засыпают сердца.

Израэль, Хаим, Хона,
Ида, Шлёма, Тамара,
Миша, Галя, Сима,
Хома, Геня, Люба...

— Не Белоруссия!

— А как?

— А Беларусь!

— Ну да.

И отразилась в облаках
полесская вода.

А я на берегу стою,
и спорить не берусь.

И в кровь жидовскую мою
впадает Беларусь.

346

Засыпаю, сплю и вижу —
глаз не отведу:
от облюбовавших вишню
воробьёв в саду.

Просыпаюсь на рассвете
около шести...
Во дворе хохочут дети
с вишнями в горсти.

347

В прекрасном прошлом было всяко:
и обожаемая мной,
убитая ментом собака,
что стала болью головной.
И первая, в двенадцать с чем-то,
неразделённая любовь,
что рвётся, будто кинолента,
надеждой склеенная вновь.

И утренний туман над Пиной,
и в небе аистов следы,
и тихий свет радиоактивной,
зашкаливающей руды.
Прекрасны тающие стаи
и перистые облака,
где, слава Богу, мы не стали
прекрасным будущим пока.

348

Страшнее подвала я в жизни не знал ничего:
«Сходи за картошкой, сынок». Не признаешься ведь.
Убожество личное и темноты божество,
где бомбоубежища дверь зарычит, как медведь.
Разбитой — вовек не забудется! — лампочки хруст,
и холод подвальный лица моего супротив,
и, чтоб не лишиться остатка отсутствия чувств,
насвистывал из «Мушкетёров» игривый мотив.
Дорога туда и обратно — каких-нибудь пять
минут, даже меньше, а страха — на целую жизнь.
«Сходи за картошкой, сынок...» Я в подвале опять.
Не дрейфь, поседевший старик! Из последних держись!

349

На поминках пьётся как нигде,
как ни с кем уже и никогда.
Борода склонилась к бороде:
жатва скорби, памяти страда.
Ну, давай, не чокаясь. Давай.
Царствие Небесное. Ага.
За окном прогромыхал трамвай,
и запела за окном пурга.

Запоём и мы про ямщика,
с болью не своей накоротке,
и прижмётся мокрая щека
к мокрой нафталиновой щеке.
А потом прогулки по воде,
а потом — над головой вода.
На поминках пьётся как нигде,
как ни с кем уже и никогда.
давай по новой
тире по прежней
за гроб вишнёвый
и саван снежный

350

Фея, сестрёнка, голуба,
ласточка, золотце, душка,
не улетай — задержись.
И вместо млечного зуба
мне положи под подушку
новую — старую жизнь.

351

А. Л.

На балконе, куря после третьей,
мы сидели и слушали ветер,
и закладывали виражи
то ли ангелы, то ли стрижи.
Говорить ни о чём не хотелось:
логос умер, безумствовал мелос,
и, уже никуда не спеша,
говорила с душою душа...

Лист кленовый, ещё не помятый,
ветром сорванный, падает в грязь.
По четвёртой и сразу по пятой
накатили, за стол возвратясь.
И уже о любви, не о боли,
чёрно-белое смотрим кино.
То ли дождик за окнами, то ли
мокрый ангел стучится в окно.

352

Обложка, обложка, обложка
для книжки — совсем как шинель.
Небесная — чу! — неотложка
летит, обгоняя метель.
Не хлопец в дублёночке гарный,
не девушка в летнем плаще —
последний поэт титулярный:
советник Башмачкин Ф. Ч.

353. Мишка

Клавдия Ивановна
Марк Наумович
Лидия Андреевна
Леонид Осипович
для человека
которому под 50 и за
без фамилий ясно
о ком идёт речь
«Синий платочек»
«Тёмная ночь»
«Валенки»
«Одессит-Мишка»
мои инициалы ФМ
мало кому что-либо говорят

и вряд ли уже скажут
дело не в них
а в отчестве
точнее сказать в отце
Михаил Миша Мишка
отец родом из крохотного
белорусского города
Житковичи что на Гомельщине
это он сейчас «город»
с населением 16 тыс. человек
а до войны Житковичи
были местечком
в котором проживало
чуть более 4 тыс.
отец из поколения
«дети войны»
родился то ли в 32
то ли в 33 году
он сам толком не знал
а метрика конечно не сохранилась
эвакуация детдом в Горьком
Нижнем Новгороде
его отец мой дед
с первых дней войны на фронте
и отсюда все вытекающие
прелести безотцовщины
об этом много написано и снято
я вряд ли к этому могу
что-либо добавить
после войны ремеслуха
ремесленное училище
токарь на заводе
чуть позже сдав на права
водитель автобуса
ничего необычного
биография самая обыкновенная
если не считать
что его отец вернулся с войны

чем не могли похвастать
многие его ровесники
но речь не об этом
речь о песне Утёсова
отец никогда не был в Одессе
но всякий раз когда
что-либо случалось
в независимости от того
хорошее или плохое
трезвый или приняв
после работы на грудь
он напевал «Одессита-Мишку»
отца нет в живых
уже без малого 36 лет
но не далее как вчера
мы с отцом рыбачили
в широком лимане
а потом счастливые
хоть и ничего не поймавшие
под зелёными каштанами
предварительно сдув пену
пили холодное «Жигулёвское»
ведь красавица Одесса
не пустой для наших сердец звук

354. Ресницы

повернись
говорила на уроке химии
одноклассница Галя Пигулевская
и я поворачивался
господи какие ресницы
какие ресницы
и зачем они тебе
только нужны
и правда зачем
однажды на перемене

их даже измерили линейкой
четыре с лишним см.
восторженно воскликнула Лена Вербанович
почти пять
и наращивать не нужно
господи
Наташа Казанчук
в которую я был тайно влюблён
в шестом классе
и которую разлюбил в седьмом
сказала
я где-то читала что неестественная
длина ресниц
признак
болезни печени или почек
я точно не помню
эх вздохнула она
мне бы такие
эти ресницы мне только
омрачали жизнь
мама узнав о диагнозе
настояла на срочной проверке
в меня через рот
до спазм и рвоты
затолкали резиновый шланг
ливер оказался в норме
.....
было у царя три сына
два умных а третий
правильно футболист
я был вратарём
и на чемпионате Белоруссии
в одном из самых ответственных
матчей с командой ФШМ
из Минска я пропустил
обиднейший гол между ног
только из-за того
что правая ресница

мне попала в глаз
всё вскричал я довольно
и ножницами укоротил
не только правую
обе на всякий пожарный
но после этого нехитрого
хирургического вмешательства
ресницы стали расти
пуще прежнего
повернись говорила
Галя Пигулевская
и я послушно поворачивался
шли годы
кино вино и домино
укоротили длину
моих ресниц
более того из-за курения
точнее процесса подкуривания
ресницы практически
сошли на нет
да и брови тоже
вот уже более сорока лет
никто меня не просит повернуться
никто не охает и не ахает
от выпитого за эти годы
печень уже давно взмолилась о пощаде
да и почки думаю тоже
не поют романсы
всё никак не соберусь
сдать анализы
и длина ресниц
точнее отсутствие оных
к этому не имеют
никакого отношения
иногда напялив очки для чтения
я с завистью разглядываю
ресницы спящего сына
но измерить их

всё никак не решусь
на глаз они см. пять
если не больше

355. На уроке домоводства

на уроке домоводства
девочки шили и выпекали
а мы на уроке труда столярничали
столярка находилась
в «Доме пионеров»
бывшем дворце Бутримовича
что на улице Ленина
не барское это дело
говорили мы лениво
прохаживаясь рубанком
по будущей ручке киянки
зажатой в тисках
а что мужики может быть сообразим
произносил Ваня Колобов
кандидат в мастера спорта
по спортивной гимнастике
между прочим
уже позже
после окончания школы
чтобы не загреметь в Афган
(на дворе 79 год)
Ваня положив руку на козёл
для пилки дров скомандовал
Мише Буткевичу бей
и Миша железным ломом
пусть и не со всей силы
но вдарил
открытый перелом
и душманы ещё долго шмаляли
в небо из калашниковых
радуясь ваниному «белому» билету

идиот только и сказал его тренер
не быть тебе никогда мастером спорта
но это случится чуть позже
а сейчас
я
пробираюсь дворами и переулками
в вино-водочный магазин «Весна»
тебе сколько лет мальчик
спросила нахмутив брови
дебелая продавщица
18 скоро будет
соврал не моргнув глазом
а паспорта конечно у тебя с собой нет
дома забыл
да ладно тебе Люд
вступилась за меня вторая продавщица
сразу видно взрослого парня
вон и пушок над верхней губой
уже появился
и штаны вот-вот лопнут от
и она что-то прошептала
своей товарке
ха-ха-ха
но два фугаса по 0,75 л
уже были у меня за пазухой
на перемене когда учитель труда
вышел покурить из столярной мастерской
мы по кругу из горла
опорожнили купленное
хорошо выдохнул Серёга Савич
и занюхал мануфактурой
я им блядам сейчас наработаю
пробурчал Вася Шпаковский
будет им сукам ручка для киянки
выдохнул Саня Попов
потом кто-то блевал на улице
а Серёга Сувалов (борец-вольник)
всерьёз уговаривал пойти разобраться

с физруком
за то что он как бы случайно
всякий раз норовил зайти
в раздевалку к нашим девочкам
насилу его уговорили
ладно по трезвяне
всё равно козла прищучу
кстати о девочках
«хворост» который они выпекли
на уроке домоводства
оказался безвкусным и подгоревшим
но мы об этом конечно
им не сказали

Беспорядочные связи (2020)

356

Заслушаешься Каравайчуком,
как будто бы кузнечиком, сверчком
однажды летней ночью — ночью летней,
когда мы дочь зачали, и когда
светила нам гурзуфская звезда,
где первый миг любви — как миг последний.

Заслушаешься... Будто бы в глаза
глядишь — там зеленеет бирюза,
летят века тире песка мгновенья.
Лишь музыка безмолвья посреди —
пока стучит, стучит, стучит в груди
полночный метроном сердцебиенья.

357

Па ягады і за грыбамі
ходили в пинские леса.
И были чистыми над нами
и голубыми небеса.

Но вместо ягоды-малины
и вместо белого гриба
манили нас, неумолимы
и непреклонны, как судьба,

штыки, траншеи, медальоны,
снаряды, каски, черепа —
там, где погибли миллионы,
и там, где заросла тропа.

Не ягоды-грибы в лукошке
несли домой, а боль и страх,
и просыпались от бомбёжки
и смерти друга на руках.

Но, выходя из окруженья
и партизана по лесам,
мы проиграли все сраженья
послевоенным небесам.

358

Ю. Ч.

Не судья ни ему и ни ей
переделкинский воробей.

Целый век друг на друга глядим,
не мигая, глядим друг на друга,
где задёрнутых шёпот гардин
заглушает январская вьюга.

За гардинами он и она,
и любовь, и тюрьма, и война,
рифма «встреча-разлука»
и безвременья имена.

Что ещё? Да чего только нет:
в чистом поле рождественский свет,
крюк Елабуги, цветопись, поезд
ранний, позднее жито по пояс,
и ещё, и ещё, и ещё...

Две свечи, что горят горячо!

Левантийской зимой, как в дыму,
я судья лишь себе самому,
и в душе не стихают метели,
но поют о весне и любви
переделкинские воробьи,
и столетья летят, как недели.

359–366. СПб – МСК

1

А на Марсовом поле сирень,
в Летнем тоже, но только пожиже.
Я от собственных слёз отсырел,
как Георгий Иванов в Париже.

Пятипалой сиренью дыша
и не строя ни замков, ни планов,
по Гороховой бродит душа,
и её окликает Иванов.

2

Дождь в Екатерининском саду
по сердцу крапиве и бурьяну.
К Александр Сергеичу зайду,
к Николай Василичу нагряну.

Где — они живее всех живых,
ниже муравьёв и выше славы:
вновь соображают на троих,
глядя свежескошенные травы.

3

Первый ужас — колом,
остальные — как сны:
от ростральных колонн
до расстрельной стены,
где затворы стучат,
ночь и ужас поправ.
И на озере Чад
умирает жираф.

4

Ты — Ахматова, я — Гумилёв
в царскосельской аллее:
тише бабочек, царственной львов
и поэтов целее.

Слева — шик и убогость дворца,
справа — детства поляны.
А в груди золотые сердца
Николая и Анны.

Очередь за красотой тосклива:
минимум на полтора часа.
Слышу голос Финского залива,
как с цепи сорвавшегося пса.

Оттого, что холодно и нету
очереди и дождю конца,
я в гробу видал Елизавету,
Петергоф и золото дворца.

Я цареубийцей-офицером
чувствую себя, неумолим,
где закат на небе бледно-сером,
золотой, как Иерусалим.

У судьбы не требую долива
и уже не верю в чудеса,
глядя воду Финского залива,
словно засыпающего пса.

Небо. Царскосельские деревья.
Тишина зеркального пруда.
Вспоминаем будущее время,
как давно минувшие года.

Возвратившись в середине марта,
и с погодой мартовской на «вы»,
гоним грусть-печаль, как Бонапарта
до Св. Елены из Москвы.

Чур меня! — Но непосильно бремя.
Чур тебя! — Должно быть, навсегда.
На ветру качаются деревья,
и в холодных трещинах вода.

Ветер по-весеннему неистов,
а воспоминания нежны,
тени царскосельских лицеистов
в зеркале воды отражены.

Нас с тобой как языком слизало
прошлое до наступленья тьмы —
или с Царскосельского вокзала
в будущее возвратились мы?

7

Прогуливаясь возле дома,
где останавливался Блок,
где всё до боли незнакомо,
лишь неба звёздный потолок
да жёлтые цветы жасмина,
уже без запаха почти, —
ты жизнь, промчавшуюся мимо,
своим отсутствием почти.

8

Как светотень среди деревьев
на фоне смерти и любви:
Стромынка, Анатолий Зверев
и летним утром воробьи.

И никого вокруг, и только
трамвая утренняя трель,
да мелкий дождик ненадолго
пошёл, штрихуя акварель.

367

А помнишь, как Антонова
лабали мы, мой друг,
и марша похоронного
раздались звуки вдруг.

Там плыл на хвойном «Газике»
покойник, как живой.
Фальшивил, будто сглазили,
оркестр духовой.

Забыли про гитары мы
и, вслушиваясь в медь,
навек стали старыми,
как молодая смерть.

И в синеве бездонного
мы отразились вдруг,
как в зеркале Антонова,
под завыванье вьюг.

368

Воспоминаний сухая солома
вспыхивает, моментально стора:
бабушка Фаня и дедушка Шлёма
вечны, как Шимон с ключами от рая.

Не предадут, и встают с петухами —
или не спят никогда, как на страже...
Воспоминаний холодное пламя.
Клин аистинный в осеннем пейзаже.
Эвакуации чёрное солнце
и пирожки из ишачьего мяса.
Бабушка плачет, а внуку неймётся —
он убегает смотреть «Фантомаса».
Дед кашеварил на фронте, и к деду
внук равнодушен, героям внимая.
И одиноко медаль «За Победу»
грудь украшает 9 мая.
Бабушка Фаня и дедушка Шлёма
сопровождают — от края до края.
Воспоминаний сухая солома
вспыхивает и горит, не сгорая.
Встречи, прощания и расставанья,
и обретенье покоя и дома...
Дедушка Шлёма и бабушка Фаня.
Бабушка Фаня и дедушка Шлёма.

369

«Не сутулься», — говорила мама
и: «Не горбись», — говорил отец.
Долгой жизни кинопанорама
стала чёрно-белой под конец.

А была сначала разноцветной:
жёлтой, ярко-красной, голубой.
И рассвет-закат горел монетой,
и стрижи летали над тобой.

Ты идти пытался только прямо,
ты старался из последних сил.
«Не сутулься», — говорила мама
и отец: «Не горбись», — говорил.

Не сутулясь, шёл, хоть было тяжко,
и, не горбясь, шёл под стук сердец!
Слева — мать. А может быть, ромашка.
Справа — мак. А может быть, отец.

Землю обойдя — не раз, а трижды,
и вернувшись в неземную тишь,
«Не сутулься», — дочке говоришь ты
и: «Не горбись», — сыну говоришь.

370

Немота воробьиного слова,
жаркий шёпот январских рябин.
Разве мама любила такого?
Разве папа такого любил?

Я и сам разлюбил, и навеки,
и уже полюбить не смогу.
Воробьи засыпают на ветке
и рубины горят на снегу.

371–373. Лена, Ира...

1

Помнишь Лену Сорокину?
Помню, в сердце таю!
Как последние строки у
немоты на краю.

Помнишь липы цветущие,
по-над речкой тихи,
разделённую! — ту ещё!
те ещё — не стихи?

Помнишь ночь бесфонарную
и свеченье стыда?
Рифму вечную парную:
«кровь-любовь» навсегда?

Помню, не забываются
на скрижалях судьбы
голос Блока и аиста
над деревней Колбы.

Все просрочены сроки на
целый век — боль и страх...
Здравствуй, Лена Сорокина
и младенец в руках!

2

Отпусти меня, Лена Сорокина,
я устал, я уже не могу —
столько зим под любимыми окнами
утопаю в слезах и в снегу.

Отпусти постаревшего, нервного,
как бесснежный конец декабря...
— Отпускаю тебя тридцать первого
и с утра возвращаю тебя!

3

Как сказала однажды мне Ира
Марковец — лет за тысячу до
«Меланхолии» Ларса фон Триера:
«Виновато во всём либидо!»

Не либидо — ещё бы! — Не либидо,
либидо, до скончания дней!
Расставания чаша не выпита,
отчего же мы плачем над ней?
И покуда не таем снежинками
по-над памятью в форме сердец,
лебединую песню с ужимками
пой, вальсируя, И. Марковец.
Неба серого, времени сирого
жаль до слёз, потому что вода.
И, конечно, нам жалко фон Триера
и, конечно, нам жаль либида.
Нас не жаль никому, и поэтому
мы бессмертны, не зная о том,
в январе одеваясь по-летнему,
согреваясь одним либидом.
И летим у любви на виду:
либида, либидой, либиду.

374

Мы с тобой такие крохи —
ты синица, я снегирь:
чисто ходики эпохи,
но без стрелок и без гирь.

Мы идём тире летаем:
я к тебе, а ты ко мне.
И как время: таем, таем,
таем, таем в тишине.

375

Вот и славно, вот и ладушки —
испарюсь, как соль морей,
чтобы было, как при бабушке,
доброй бабушке моей.

Чтоб жилось на свете медленном
не соринкою в глазу,
а вареньем в старом, медном,
пенно булькая, тазу.

376

Из орешника, а лучше из лозы
сделать лук, чтоб ирокезов извести.
Только их, конечно, больше и в разы,
а война всегда с восьми до десяти.

Вот и мама прокричала из окна,
и убитые враги домой ушли.
И восходит бледнолицая луна,
примирая краснокожих всей земли.

377

Жесть — это жесть, а не то, что подумали вы:
нужная вещь для ремонта забора-сарая.
Суть, а не слово — не выбросишь из головы,
клёном в осеннем пожаре горит, не сгорая.

Суть, а не слово... Поэтому и человек —
это не то, что снаружи, а то, что по сути:
под ноги смотрит всё время, а будто наверх —
значит, смотрящим на звёзды его нарисуйте.

Вот он стоит: позади и сарай, и забор,
вот он глядит, не мигая, на звёздное небо.
«Жесть», — говорите? Нет, просто Серебряный Бор.
Просто кувшин молока в ожидании хлеба.

378

Ехали мы на юг.
М. Чевега

Ехали на юг, ехали на юг, ехали на юг,
ехали не зря, ехали не зря, ехали не зря,
я смотрел в окно и молчал во тьме, а любимый друг
говорил всю ночь и не мог уснуть, «Беломор» куря.

Говорил о том, говорил о том, говорил о том,
что прошла любовь, что прошла любовь,
что прошла любовь,
что сгорели, как тополиный пух, родина и дом,
и не суждено больше никогда повстречаться вновь.

Ехали всю ночь, ехали всю ночь, ехали всю жизнь,
ехали вдвоём, ехали вдвоём, третьим был Господь.
Три в одном: любовь, родина и дом — только задержись —
возвратятся вновь, обещаю я, обретая плоть.

Улыбнулся друг, усмехнулся я, и вернулись мы
под музыку вьюг из небытия посреди зимы.

379

подошёл ко мне
коллега бухарский еврей
и говорит
слушай что ты
всё время пишешь

случайно не стихи
нет-нет чуть ли
не закричал я
что я пацан тебе
какой-нибудь или
того хуже влюблённый
а сам судорожно
прячу в карман
черновик стихотворения
слава богу
а то я уже испугался
понимаешь у нас в роте
был один чувак
нормальный с виду
и бухнуть и по бабам
но оказалось
что он пишет стихи
писал абсолютно на всём
на спичечных коробках
пачках из-под сигарет
даже на ладони
уж мы его
пиздили пиздили
всё бестолку
глаза закатит
морда красная
руки потные
тьфу
так ты точно не пишешь
сукой буду не пишу
только верлибры

380

В музыке отсутствующей речи,
проще — в белоснежной тишине,
проступают выпуклей и резче
силуэты тех, кто дорог мне.

Тех, кого уж нет на белом свете
столько зимних лет и летних зим,
снегопаду радуясь, как дети,
в тишине соперничая с ним.

381

Едет, не сворачивая, прямо,
вдоль цветущих яблонь, груш и слив,
на велосипеде дядя Зяма,
старый и забытый, как мотив.

Едет, не сворачивая, будто
едет не столетье, полчаса:
в небе — Севастопольская бухта,
в море — голубые небеса.

Всё неспешней кровь течёт по венам,
чтобы вдруг замёрзнуть, как вода.
Едет дядя Зяма на трофейном,
едет, уезжая навсегда.

И глядят вослед отец и мама,
словно птицу в небо отпустив:
на велосипеде мальчик Зяма,
едет, не сворачивая, прямо —
светлый и негромкий, как мотив.

382

Лишь однажды видел Инну
Львовну — много или мало?
Говорила — словно глину
неподатливую мяла.

Голос тихий и печальный
был прокурен и простужен.
И стихами, и молчаньем
разговаривала с мужем.

Ей под восемьдесят было —
невысокая, худая.
Говорила — словно мыла
раму мама молодая.

Говорила, глядя в лица,
как заштопывала бреши,
переделкинская птица
на каспийском побережье.

И держала гордо спину,
и ручьем журчало имя...
Лишь однажды видел Инну
Львовну в Иерусалиме.

383

Отбился от стаи и стал вожаком
себя, и уже навсегда.
Ты даже не мог и мечтать о таком —
безмолвие и холода.

Вокруг ни души: тишина, забытьё, —
летай, а не хочешь, сиди.
И слушай холодное сердце своё —
безмолвное сердце в груди.

384. Кёльн – Амстердам

Памяти И. Баумгертнер

Три часа туда и три обратно:
время пролетает виноградно.
Долгожданно, дымно и громадно
вдалеке нарисовался Кёльн.
Передам от Юдиной поклон.
Это лишь прелюдия, а фуга —
торжеством любви и смертью друга:
то ли дуб склонился, то ли клён
над её могилой. Время праха —
Иоганна Себастьяна Баха,
триста лет звучавшее тому,
освещает будущего тьму.
Друг любимый, помнишь? Не забуду:
«Мозельское», кухня и гашиш.
Причащенье к таинству и к чуду
рейнских вод и черепичных крыш.
Тридцать лет не триста... Обещаю:
рано или поздно, навсегда
встретиться за третьей чашкой чаю,
где кипит летейская вода.
Почитаем Бродского, как прежде,
поглядим в глаза друг друга вновь,
позабыв о вере и надежде
и символизируя любовь.

385. На вокзале

На вокзале тухло, скучно:
хочешь — пей, а хочешь — спи;
металлическая кружка —
как собака на цепи.

Я не сплю, я байки баю,
время за ухом чешу,
и на поезд опоздаю,
и с кассиршей согрешу.

У кассирши сын в продлёнке,
муж с утра объелся груш:
голос тонкий, голос звонкий
и пьянящий, будто пунш.

У меня в кармане трёшка
и уверенность, что не
оцарапает серёжка
в виде сердца душу мне.

Засыпаю: хоть из пушки...
За окном мелькает лес.
Капли крови на подушке
вместо штампа МПС.

386

Ты спишь, и сны твои позорны.

Д. Новиков

Не веря на слово и слову
давно — не вдруг,
вернулся к дедушке Крылову
заблудший внук.

Из палестин чужих, не наших
приехал, чтоб
живой воды из Патриарших
испить взахлёб.

Ну что с него возьмёшь, с француза:
француз и есть —
ему что Волочок, что Руза,
что ум, что честь.

Что на дворе декабрь и горечь,
и тчк.
Ах, Лафонтен Иван Андреич,
прости внушка.

Дай бронзовую руку, ну-ка,
на раз-два-три:
по небу лебедь, рак да щука
летят — смотри!

Избранное (2021)

387

Ю. Г.

Жак-Ив Кусто, зачем тебе земля?
Одумайся, и не всплывай, не надо!
Она нечестно делит нифеля,
предпочитая непрозрачность ВАДА.
Она тебе чужая навсегда,
она висит на шее стопудово,
тебе родня — зелёная вода
и Коренев под музыку Петрова.

С океанидой пей вино любви,
завидуя подводным ореадам,
и растрянжишь сокровища свои,
безмолвие заказывая на дом.
Выделявай в глубинах вензеля,
отплясывай в бездонных до упада:
Жак-Ив Кусто, зачем тебе земля?
Одумайся, и не всплывай — не надо!
Я тоже под водой живу лет сто,
где даль морская, как стекло, промыта,
где на «Калипсо» мчит Жак-Ив Кусто,
размахивая шашкой динамита.

388

То ли пеночка, то ли пищуха
залетела в окно —
тихим ангелом, музыкой духа,
что не слышал давно.

Очи — бусинки, голос — хрустален,
память сердца: тик-так.
Тихой музыкой в небе растаял
неопознанный птах.

389

Не для форсу, не для лоску
у шмеля прикид в полоску,
и совсем не для красы —
пёстрый тельник у осы.
На трёхмачтовой ромашке
разноцветные тельняшки...
И плывут, подобно снам,
по морям и по волнам.

390

Что-нибудь про навоз и надой,
что-нибудь про тоску и дорогу.
Не высокий блондин, а седой —
в сандалетах на босую ногу.

Я иду. Я вернулся вчера.
Небом вскормлен и выбелен солью.
Надо мной золотая пчела
пролетает, как память над болью.

Я иду. Не опознан никем,
всем чужой и для всех посторонний.
Из любимых — один манекен,
застеклённый и потусторонний.

Надо мной — то ли шарф, то ли шар.
Перелёт. Передоз. Перегрузки.
Пиво пьёт разливное Ришар
и поёт «Журавли» по-французски.

Что-нибудь про посев и отёл,
что-нибудь про песок и столетья...
Справа — Пина, а слева — костёл.
Что ж, поехали по небу, Петя!

391

Камыши молчат, камыши.
Разговаривает кулик
с куликом в болотной тиши,
потому что душа болит.
На поминках они легки:
сердце — крохотный эхолот.
Незалётные кулики
с куликовых полей-болот.

Не себя, а других хваля,
дождик утренний моросил
на асфальтовые поля,
на железобетон трясин.
И взойдут на них зелены,
а быть может, уже взошли:
сквозь тебя взошли, сквозь меня...
Камыши шумят, ковыли.

392

Октябрь уж наступил... На сердце ведро.
Души откалиброваны весы.
Жидовская нарисовалась морда
на фоне среднерусской полосы.
А тишина, устав от монохрома,
зациклившись на птичьих голосах,
вразвалочку гуляет, как Ерёма
в густых металлургических лесах.

393. Другу

Не в направлении Цитеры
в тоске белогвардейских снов —
плыл после фильма «Офицеры»
в Суворовское Иванов.

И было Иванову Ване —
не понарошку, а всерьёз, —
спокойно умирать в Афгане
под шум цитеровских берёз.

394

Без надежды и без цели
мы живём на свете зря,
забывая о лице
19-го бря.
Друг на друга, брат на брата —
на убой или в забой:
мы ведь тоже октябрята —
ты да я, да мы с тобой.
Жизнь — неведома зверушка
или милости царя.
Выпьем с горя! Где же кружка
19-го бря?
Изменяемся в лице и
неизменны мы внутри.
Безнадёжные лица.
Пасмурные октябри.
По-еврейски и по-русски,
не во сне, а наяву,
опрокинем без закуски
пушкинскую синеву.
Лучше всякой панацеи
и пластмассы стопаря
наши вечные лица
19-го бря.

395

Это ты на снимке? — Да.
Кто ещё с тобой? — Не знаю.
Было времечко, когда
мы дрочили на «Данаю».
Потому что — чистота!
Потому что — безнадёга!
Потому что лет до ста
будем жить, не зная Бога.

Не беда, что век остёр
и безвременье кислотно,
но горит любви костёр
и любовь пьянее Лота.
Не беда, что однокла-
снится долгими ночами,
и мочало без кола
в безутешности печали.
Бесконечная страда!
Время Анджелы и Чили...
Было времечко, когда
на «Данаю» мы дрочили.
Что осталось? Пустота.
Небеса чернее сажи.
Свет и золото холста
в опустевшем Эрмитаже.

396

Ося, родной, далёкий друг!
Н. Мандельштам

Нет, не вправе завидовать Осе
разнотравье и разноголосье,
но завидуют вечно ему,
посрамившему время и тьму,
лебеда, подорожник, крапива,
воробьи, трясогузки, грачи.
Чудо чудное! Дивное диво!
Трав и птиц недовольство в ночи.
Потому что седыми ночами
это имя тревожит молчанье,
до и после им спать не даёт.
Летних рос ли, летейских ли вод
разговор по душам, без границ?
Трав пожухлость. Безмолвие птиц.

Ночь под утро сосулькою тает,
а потом превращается в лёд...
И пайковые книги читает,
и колхозному баю поёт.

397

Поматросил время и подбросил
в небо, будто птицу, — улетай!
В переводе с русского на осень
я читаю клинописи стай.
По слогам читаю, еле-еле,
с листопадом и без словаря.
Сквозь меня полночные летели,
так и не дождавшись октября.
В тишине растаяли деревья...
Словно шестикрылый серафим,
пожалело и вернулось время,
чтобы стать безвременьем моим.

398

Видишь, обезвоженные травы
пролетают, как ж/д состав.
Правы, правы, правы, правы, правы,
а застрявший в прошлом дождь неправ.
На ветру свои права качая,
принимая полулёжа смерть,
продолжают, ничего не чая,
в небо безнадежное смотреть.
Я на них гляжу замороженно
из окна японского авто,
представляя, как во время оно,
рощи чёрно-белое пальто.

На судьбу и время не в обиде,
несмотря на то, что побеждён,
я смотрю на рощу в чистом виде,
как стекло, промытую дождём.
Он не прекращается недели,
день и ночь как из ведра лия...
Травы, травы, травы не успели,
навсегда уснув — как ты и я.

399

Мы навсегда остались теми,
кого не взяли на испуг:
запечатлённые на «Свеме»
и оцифрованные вдруг.
От неожиданности, или
от невозможности, сердца
в семи озёрах проявили
и закрепили до конца.
Пока нас не было на свете,
пока мы не жили, мой друг,
состарились внезапно дети
и сделались белее вьюг.
И стало глухо вдруг и немо,
и никого, и ничего —
лишь оцифрованная «Свема»
и негатива торжество.
И мир, сошедший от цифири
с ума, стоит на голове.
И тишина звучит в эфире,
как будто Юдина М. В.

400

Уважаемый свет,
бесконечная дрожь,
перед тем, как на нет
ты однажды сойдёшь,
освети не меня,
освети наяву
предвечернего дня
золотую листву.
Пусть во мраке ночном,
ни жива ни мертва,
запоёт за окном,
как по нотам, листва.
Уважаемый мрак
в белом облаке лип,
сделай так,
чтобы Петя Ростов не погиб.
Чтобы гибели сон
испарился, как зоом,
чтоб летел, невесом,
повторяя: «Изюм».

401

Вдали от шума городского
и городского человека
я перечитываю снова
жизнь девятнадцатого века.

И тишина ночного леса
звучит, луной неопалима,
как неоконченная пьеса
для цифрового пианино.

Хорошо забытое (2022)

402–403. Стихи Юлиане

1. Русское поле

Тонкий колосок в начале марта,
средиземноморский, на ветру
напророчил: ни любви, ни фарты
и ещё какую-то муру.
На ветру склонился, словно в поле,
а на самом деле — лесопарк.
И душа тоскует о запое,
и ворона вторит — карк да карк.
Я — не русский, я уже — цитрусский,
я — еврей шестидесяти лет:
как у космонавта перегрузки
и в глазах потусторонний свет.
Колосок пустынный — не пшеничный,
хлебом и не пахнет — морем лишь,
ко всему за столько лет привычный,
что же ты склонился и молчишь?
Нам не просто говорить об этом —
помолчим, как замолчал Союз:
Инной Гофф, Россией, вечным летом,
Френкелем, мотающим на ус.

2. Византийские стансы

От невзгод и от сомнений
помогает, помолясь,
византийских песнопений
незатейливая вязь.

Кто на связи? Я на связи
поднебесья и небес, —
это как лететь на ВАЗе,
обгоняя «Мерседес».
И, хмелея от сунели,
под ногтями холя грязь,
снова выйду из шинели,
в телогрейку возвратясь.
Грезя небом, вижу лужи
в окружении морей,
ничего не зная лучше
телогреечки моей.
Песнопения? Музыка?
Голубая кровь? Князья?
И безмолвию заика
набивается в друзья.
Жизнь длинна, а век недолог.
Рот беззуб. Пышны усы.
Самопальный византолог
среднерусской полосы.

404

Когда Минздрав предупреждал,
что вреден Данте и Новалис
как неземной материал, —
мы этому сопротивлялись.
Происхождение своё
потустороннее скрывая,
предпочитали забытьё
в депо идущего трамвая.
Предпочитали немоту
пустопорожним разговорам,
и схватывали на лету,
и снова прятались по норам.

Как будто в зеркале примат,
своё увидев отраженье,
не порицает сопромат,
но отрицает возрожденье.
И он не может не смотреть.
Он слышит канувшего эхо
и видит будущего смерть
и плачущего человека.

405

А. Ф.

Знание — бессилье. Старость.
Близость гор. Пора и честь.
Сколько раз ещё осталось
Льва Толстого перечесть?
Юность. Отрочество. Детство.
Бесконечный эмбрион.
Возвратились, наконец-то,
сосчитали всех ворон.
Красоты прекрасным лицам
добавляет смерть б/у:
вот Андрей под Аустерлицем,
вот Наташа на балу.
Снова летоисчисленье,
но за вычетом зимы:
слышишь, как трещат поленья,
видишь, как спокойны мы.
И правдивее, чем правда
и прекрасней, чёрт возьми,
голова Хаджи-Мурата
под колёсами любви.

Здесь — понятно. А там?
Неужели покой?
Неужели «Агдам»
с «Жигулёвским» рекой?
Неужели любовь,
неужели зима —
не сводящие вновь
человека с ума?
Неужели отец
в сигаретном дыму,
и ещё не конец,
а начало всему?
Неужели опять,
бесконечно любя,
гладит юная мать
по головке тебя?
Здесь — понятно. А вдруг
если там пустота
и безумие вьюг
белизною листа?
Если там — ничего,
если там — никого,
лишь печали Его
и молчанье Его?

Вадиму и Марине

Сердце просто не может не петь
в промежутке от крика до всхлипа:
моросящего дождика сеть
и шмелино-пчелиная липа.

И на дачном крыльце закурив,
липе вторя, вдыхая ненастье,
вдруг припомнить забытый мотив
невозможного счастья.

Оптика (2022)

408

И я обращаюсь к отцу,
что смотрит на землю из рая,
наощупь читая мацу,
посредством любви, а не Брайля.

И я обращаюсь к нему.
А он, как осенняя птица,
опять улетает во тьму,
не чая домой возвратиться.

409

И сума, и тюрьма, и себе на уме.
Вологодской финифтью да по хохломе,
обезумев от «скрежета-дрожи»...
Всё равно нет родней и дороже.
Никому не истцы и ответчики всем —
мы годимся в отцы тем, кто пал в 37.
Что ж, обнимемся — сестры и братья,
размыкая медвежьи объятия.
Посидим, помолчим, погорюем о том,
что от света лучин загорелся наш дом,
и помянем — поминок почище —
чаепитием на пепелище.

410

Соответствуя годам,
в предосеннем гаме
шёлк втридорога продам —
расплачусь с долгами.

На закате дождь пошёл —
отдохну от пахот.
Полог неба — чисто шёлк
или полубархат.

411

Ю. Г.

Затянув: тра-та-та, тра-та-та,
надоев и себе и соседям,
на балконе «Москва – Воркута»
мы однажды возьмём и уедем.
Мы уедем однажды с тобой,
мы покатаемся, будто с откоса;
нас вагон голубой-голубой
унесёт, как надежда — матроса.
По волнам нашей памяти, по
бесконечному морю печали,
оставляя родное депо
и стареющих жён за плечами.
Мы накатим ещё по одной,
и ещё, и ещё, как бывало,
и пройдем по стране стороной,
лёгкой рябью девятого вала.
А потом запоём: тра-та-та,
тра-та-та запоём напоследок,
как поёт в пустоте немота
соловьями обрубленных веток.

И откроется нам, как сезам,
как вороны полночные в кроне,
за окном воркутинский вокзал
и безмолвие жён на перроне.

412

Виолончели
женское тело.
Гия Канчели —
жизнь пролетела?
Жизнь промелькнула?
Белые нитки?
Музыкой гула
облако-Шнитке.
Музыка бреда,
музыка страха —
вместо Альфреда,
Моцарта, Баха?
Будут другие
дали и выси.
Плачет по Гие
небо Тбилиси.
Нету, конечно,
рая и ада.
И безутешна
Данелиада.
Память бессмертна.
Утренно. Росно.
Неба concerto
tabula crosso.

413–415. Филфак

1

Поэт сказал однажды о часах:
«...чтоб тикали и говорили время».
А, может быть, о птичьих голосах,
облюбовавших вечером деревья?
Часы и птицы. Птицы и часы.
Виновен и ни в чём не виновата.
И время среднерусской полосы
показывают ходики Леванта.

2

Жизнь под откос, как бронепоезд, пущена
и сердце затихает, холодея:
я в каждом эфиопе вижу Пушкина
и Мандельштама в каждом иудее.

3

Убив и воскрешая вновь,
чтобы века летели мимо,
мумифицирую любовь,
как Ленина и Хо Ши Мина.
Пускай во мраморном ларце
она лежит живей живого,
не помышляя о конце
и ночью воскресая снова.
И ненавидя, и любя,
и облаком июльским тая,
она лежит вся из себя —
красивая и молодая.

416

Человеку надо мало,
человеку мало надо:
чтоб сестрёнка забирала
человека из детсада.

Чтобы папа с мамой жили
и мгновенье стало веком,
и чтоб ангелы кружили
над уснувшим человеком.

417

Сидя в сквере и водку пия,
в полной мере был счастлив и я.
Кто ещё? На берёзе ворона.
Кто ещё? На лету стрекоза.
И осенний прикид монохрома,
только радующий глаза.
И река, отразившая небо,
и над ней силуэт рыбака,
вместо закуси — запах хлеба,
долетающий издалека.
Кто ещё? Перечисленных кроме —
никого у реки на виду...
Посижу, поправляя здоровье,
и обратно домой побреду.
Не спеша, вспоминая о маме
и отце, как снегирь о весне,
растворяясь в полночном тумане,
существующий только во сне.

Я на седьмом десятке
играю с миром в прятки.
Попробуй-ка, слови-ка,
напаяль свои очки,
где небо — ежевика,
а звёзды — светлячки.
Попробуй-ка, поймай-ка —
ищи меня свищи,
я ржавый, словно гайка
и пущен из пращи.
Печалью утолённой —
я всюду и нигде:
на вечно раскалённой
любви сковороде.
Лечу на все четыре,
не думая о мире,
а он при свете дня
взял и словил меня.

Милый Вольфи в парике-барашке,
выпей кофе из разбитой чашки —
ждёт (под завыванье декабря
не дождётся) «Реквием» тебя.
За окном — метельно и морозно.
Крест нательный. Звуки «Lacrimosa».
И Констанция, и дети спят.
— Может статься — это только спад?
Это не конец, бывало хуже.
Да, отец? И не такие стужи
музыке подвластны — лишь она
в день ненастный светит, как луна.
Вот перо, чернила и бумага,
зло, добро, отчаянье, отвага...

Ничего у бога не проси!
Жизнь — дорога. Счастье — нота «си».
Смерти нет, конечно, милый Вольфи.
Двести тридцать лет не стынет кофе.
Не смолкая, утешает мир
певчих стая — млечный твой клавир.

420

Вдоль по берегу морскому
еду не спеша.
И впадает, словно в кому, —
в тишину душа.
Водной гладью, тишью неба
упиваюсь я.
Вместо зрелищ, вместо хлеба —
счастье забытья.
Никому уже не должен,
одолжив у всех;
долго жил и славно пожил —
жаловаться грех.
Я ни жалуясь ни капли —
лишь благодарю...
У воды белеют цапли
и клюют зарю.

421

И. К.

Белым ангелом больница
по-над пропастью парит.
Поздней лирики водица:
тихий час и чистый спирт.

То ли кривда, то ли правда,
то ли Тютчев, то ли Фет.
Темнота рукой медбрата
обесточивает свет.
Мрак крошечный — нету хуже!
— Спишь, Иван? — Не сплю, Абрам.
— А не выпить ли нам, друже,
жизнь с печалью пополам?
Не боялись, не просили —
веря всем и никому,
говорили о России,
обесточивая тьму.
Чу! Светает! Тишь какая!
И звучит со всех концов,
никогда не умолкая,
рифма: «Бродский — Кузнецов».
Неразменная наличка:
вечность — мёртвым, смерть — живым!
Милосердия сестричка
ставит капельницу им.
И они, уставши за ночь,
засыпают мёртвым сном.
Владислав Фелицианыч
ходит-бродит под окном.

422

Когда меня мочили сапогами
чечены-дембеля —
я думал не о доме, не о маме, —
о Чили думал я.
Я представлял себя на стадионе,
а не в каптёрке боли посреди.
И надрывался, будто от погони,
мотор в груди.

Они ещё немного помесили,
потом им надоело, и они
ушли на блядки к дочерям России.
Спаси и сохрани:
от мандавошек, пьяного начкара,
от страха, от Беслана — вновь и вновь!
А я лежал в крови, как Виктор Хара,
и пел любовь.

423. Памяти Донны

Не моё собачье дело
и не ваше, а её,
что она, оставив тело,
предпочла небытиё.
Лаёт, рыщет в райских куцах,
мокрый нос во всё суя.
И заботится о сущих
и печалится, как я.
Без неё — почти что десять
лет не спится по ночам.
И никто не может взвесить
на весах мою печаль.
Без неё — такая скука,
без неё — одни коты...
В райских куцах рыщет сука
с бесконечностью на ты.
Не облизет, не утешит
и не скажет: — Здравствуй, сын!
Десять лет живу не взвешен
и, конечно, упарсин.
Где бы ни был, кем бы не был,
погружаясь в забытё,
я храним не просто небом,
а созвездием её.

424

На чёрной речке, да на чёрной речке,
всегда пасутся белые овечки.

И ночи коротки и бесконечны дни —
не пуганы морозами они.

На белой речке, да — на белой речке,
всегда пасутся чёрные овечки.

А может быть, они на облаках
и с белыми не встретятся никак?

425

Завидую тому, кто мало
и долго пишет день за днём,
кого, как будто глину, мяла
и обжигала смерть огнём.

Завидую тому, кто снова
вымучивает, как в бреду,
непозволительное слово
у очевидных на виду.

И до того ему нет дела,
что происходит во дворе
и для чего опять запела
метель в июньском январе.

А я живу и в ус не дую,
а дую в старую дуду,
влюбившись в деву молодую,
себе и деде на беду.

У Цветаевых в городе А
на лету испарялись слова.
Мы прощения не попросили
у Марины и Анастасии.
Мы стояли на улице Л,
проклиная жары беспредел:
пиво пили и байки травили,
спотыкаясь на каждой промилле.
Город А — средоточье любви, —
мы залётные гости твои,
мы давно, забывая о теле,
от поэзии подзалетели
навсегда — потому и затем,
что тоскуем по Осипу М.
Город А превращается в N
и не ждёт никаких перемен,
потому что — любовь неизменна:
ночь тиха, «Жигулёвское» пенно.
Сладко спят, как на ветках грачи,
понаехавшие москвичи.

427

В лесопарке снегири —
струны вместо жил.
Пушкина на двадцать три
года пережил.

По Измайлову бреду —
тишины старей.
И мурлычу, как в бреду,
песню снегирей.

Трудовая книжка (2023)

---

428. Гамлет

Смывая сон с лица,
вернулись в реку капли,
став призраком отца
в любимовском спектакле.

Светло и высоко
глядят из ниоткуда:
Офелия Сайко,
Демидовой Гертруда.
В пожар чужих осин
и неземной юдоли —
подбрасывает сын
слова сердечной боли.
До самого конца —
с любовью к человеку...
Смывая сон с лица,
вернулись капли в реку.

429

Грациозны, чисты, бесподобны, зигзагообразны,
как две капли воды друг на друга похожи они.
Эти белые цапли в тиши декабря не напрасны,
а скорей прекрасны, как предновогодние дни.

Не белым, но бело! Значит, набело жизнь перепишем,
черновик уничтожим и не пожалеем о нём.
И побудем на свете пречистом — не третьим и лишним,
а потом на закате с тобой грациозно унём.

430–433. Вернуться

1

Не опечатка, не описка:
предновогодней незимой
я получил письмо из Пинска,
где мне заказан путь домой.
В придачу — скатерть и дорожка,
и тьма, глядящая врагом...
И память детства, будто кошка,
всё ходит по цепи кругом:
идёт направо — видит Пину,
налево — страх и вороньё,
и тьма ночная дышит в спину,
и не укрыться от неё.
И вдруг — внезапно, как ни странно,
среди заснеженных полей:
взошла звезда, запела Анна,
и сердцу стало веселей.

2

М.-А. М.

Покуда жил, пока
жизнь представлялась длинной,
смотрел на рыбака,
стоящего над Пиной.
И принимал за клёв
обманчивые ряби,
и ставил на любовь,
и наступал на грабли.
На тополях вот-вот
воспламенится вата
и не погаснет от
рассвета до заката.

И опадёт листва,
и занеможет вьюга,
и мы, как дважды два,
найдем с тобой друг друга...
С тех пор прошли века,
невидимые глазу,
и больше рыбака
я не встречал ни разу.
Мой незнакомый друг —
надежда и отрада —
ты удочку из рук
не выпускай, не надо.
Пусть удочки полёт
вовек не прекратится
и ветер в ней поёт,
как на рассвете птица.

3

Мой родны кут,
як ты мне мілы,
я снова тут,
где место силы.

И даль чиста,
и рядом край...
Пожалуйста,
не умирай!

4

Как неожиданно, что снова
я возвратился, будто слово,
и вложен времени в уста,
родные посетив места.

И, в пояс поклонившись полю,
я вновь кириллю и глаголю.
И в слове умираю вновь —
косноязычный, как любовь.

434

Сирень — дым без огня —
струится пятипало:
на радость молодым,
стоящим на часах.

А может быть, меня
и не существовало,
а просто — майский дым
растаял в небесах?

435

Сохранил — не любой, но ценой, —
в сердце, будто ребёнок игрушку:
стол обеденный, шкаф платяной,
рамы сдвоенные, раскладушку.
За столом, как во сне — наяву:
папа, мама, пирог в три обхвата,
нафталиновый запах в шкафу,
скрип ночной, между рамами вата.
Пусть куражится Белая Русь
и Великая — сдуру и спьяну —
я туда ни за что не вернусь.
Впрочем, это им по барабану.
Зимний дождь барабанит в окно.
Летний снег в ритме вальса кружится.
Прямо в небо ж/д полотно!
На перроне любимые лица!

Машинист — без фуражки и прав.
Проводница — дорожная скука.
И гуськом: раскладушка и шкаф,
рама, стол, да любовь и разлука.

436

Заблудился в Иерусалиме —
повстречал покойного отца:
мёртвым морем память просолили,
зноем успокоили сердца.
Говорили, как не расставались, —
максимум — вчера-позавчера.
И необитаемый Солярис
ожил, как апрельская пчела.
Стали мы невидимы, как атом, —
не спеша по городу идём.
Вымокли под летним звездопадом.
Высохли под проливным дождём.
А навстречу — мама, как живая,
улыбается отцу в ответ...
Иерусалимского трамвая
в небесах потусторонний свет.
Где-то за горами, за лесами —
стали явью, не растаяв, сны
в тот момент, когда голосовали
мы трамвай у Западной Стены.

437

Пока Траволта с Умой Турман
танцуют твист в иных мирах,
а лучшие сидят по тюрмам,
а худшие рифмуют страх,

пока архангелом над этим
парит — подчёркнуто учтив,
читая Пастернака, — Квентин
и созерцающая Тель-Авив,
пока вблизи тоскуют дали,
как по Саврасову грачи, —
ты, нажимая на педали,
на велике на службу мчи!
Пустыня — справа. Море — слева.
И в сердце — непрощённый грех.
А прямо с неба, как из хлева,
доносится младенца смех.

438–440. При вратах

1

О превратностях судьбы не споря,
заржавев, как в голосе металл,
я служу привратником у моря,
а на море так и не бывал.
Рыбка, рыбка — золотое чудо, —
ты — на самом деле — это я:
существуешь, плавая покуда,
возвращаясь из небытия.
Снова небо морю по колени,
съехал набекрень волны парик...
Завершается ночная смена.
Возвращается домой старик.
дома ждёт старуха молодая
жареная рыба золотая
счастье мрачной бездны на краю
спи мой мальчик баюшки-баю

Волны, набегающие ратно,
о берег разбились — в пух и прах.
С полночи и до восьми — привратно
я живу, как чёрный олигарх.
Все соседи — тоже олигархи, —
с ними я — вась-вась, они — петь-петь:
не скрываем друг от друга страхи,
чтобы до рассвета дотерпеть.
Маемся бессонными ночами:
кто в пентхаусе, а кто у врат,
и спешим излить свои печали,
как сестра сестре, как брату брат:
как всегда, поют своё финансы,
дети эгоисты, бабы зло, —
вот бы снова: танцы-обжиманцы
и от бормоты чтоб развезло,
чтобы снова честь подорожала,
чтобы зло бежало от добра,
чтобы снова: Визбор, Окуджава,
Кукин, Ким и Галич у костра,
чтобы сердце не сдавало вахту
и покой не сделался тюрьмой...
Он идёт, не торопясь, на яхту.
Я спешу на велике домой.
И не нужно шуток-прибауток!
Полный штиль. Пробито колесо.
Ждать недолго — через двое суток
встретимся и дорешаем всё.

Не зная ни счастья, ни горя,
к любви подбирая слова,
привратником в доме у моря
работаю день через два.

И тратя бессмертную душу,
и тень наводя на плетень,
творю — прости, Господи! — сушу
на третий единственный день.

441

В Париже кóвидом боля,
в Берлине листьями шурша:
«Россия, Лета, Лорелея», —
поёт бессмертная душа.

Ей петь не надоело это,
как Шпрее чёрная вода:
безумие, Россия, Лета
и Лорелея навсегда.

И воронья ночная свара
сегодняшнего ВЧК.
Где Переделкино, где Лара,
где сношенных два башмачка?

Когда прощанье и прощенье
вновь не рифмуются, пока
течёт река невозвращенья
и отражает облака.

442

Время метели. Окна
настежь для белых стай!
Не выходи из кокона,
не улетай в Китай.

Не улетай. Останься.
Жизни сломай весы,
переползая в стансы
гусеницей весны.

443–445. В порядке бреда

1

Не итог, но меня подвели,
и оставили, и позабыли
на краю бесконечной Земли,
как лопату в могиле.
Я не помню, какого числа —
в прошлом веке — ни много ни мало.
И однажды она проросла
из могилы и деревом стала.
И оно польхало огнём:
то ли груша, а может быть, слива.
И жар-птица сидела на нём —
и безмолвна была и пуглива.
Никогда не летала она:
днём спала и ночами рыдала.
И её пожалела страна
и убила — ни много ни мало.
И её закопали вдали,
и о ней навсегда позабыли:
на краю бесконечной Земли,
как лопату в могиле.

2

15-го — утро — октября
спешу на службу, как всегда, к шести.
Фосфоресцируют при свете фонаря
улиточки осенние пути.

Улиток нет. Неведомо куда,
неведомо зачем они ушли.
И по веленью мокрого следа
я оказался на краю Земли.
В далёкий край не собирался я —
на службу собирался и пропал.
И я попал в Бутан небытия,
где в небесах горит рассвет-пропан!
Я никогда не возвращусь назад,
забуду дом и родину свою.
А Министерство Счастья — это ад
в чужом отполированном раю.
Не радуют дуары. Чай — моча.
Рис опротивел. Греча снится мне.
Бредут коровы, на своём мыча,
и оттого не по себе вдвойне.
И эта не кончается страда,
а только увеличится зимой.
Бредут мои улиточки стада —
сквозь Гималаи — навсегда домой.

3

Жить в Торжке, читая Марка Твена,
трубку полуночную куря.
И от счастья умереть мгновенно,
не дожив полсна до декабря.

И течёт, течёт в порядке бреда —
от начала жизни до конца:
то ли время счастья, то ли Brenta,
то ли бесконечная Тверца.

446

Февральских бабочек полёт
лимонно-бел.
И тает, тает, тает лёд
полночных тел.

Покуда спит вишнёвый сад
и видит сны —
они летят, летят, летят
на свет луны.

Из безысходности побег —
и до конца.
И, словно предрассветный снег,
с небес пыльца.

447

Снегопад. Деревьев сажа.
Бесконечность — тут и там.
Иудейского пейзажа
среднерусский Левитан.
За окном весна-давалка
февралю не смотрит в рот.
И ни шатко и ни валко,
а совсем наоборот.
И услышишь, как увидишь
и почувствуешь, как блиц:
снега мартовского идиш
и кладбищенских синиц.

Позолоченные сорок
сороков дели на семь.
Новодевичьего морок
ненадолго — насовсем.

448

Да, я из бывших. И бывалого
запомните, быть может, вы —
зелёным дымом над Измайлово
едва проклюнувшей листвы.

Шмелём апрельским, вербным облаком
и Серебрянкой поутру.
Короче — невозможным обликом,
когда частично я умру.

Ну, а покамест не откинул я
копыта, лапами звеня,
прижмись ко мне покрепче, милая
жизнь, разлюбившая меня.

449

Просыпаешься, всего лишь
для того, чтоб покурить:
и кириллишь, и глаголишь,
и прядёшь, как Парка нить.

В парке белые деревья,
и чернеет вороньё.
Утончилась нить. И время
перерезало её.

Будущее без бывшего,
как небес ночное дно...
Слово за слово. И снова:
снегопад, веретено.

450

Солнце пригрело с утра, переключка
птиц возвратившихся: Тютчев ли, Фет?
И понаехавшая таджичка
утром наводит в Москве марафет.
Что ей Мосфильмовская? — Памиром
бредя, пустыней весенней бредя:
всё зацветает в отечестве милым
под оркестровку ночного дождя.
Вжик по асфальту — сакуры, вишни,
вжик — зацветает сирень и миндаль.
Пенсионеры из дому вышли —
смотрят в незримую даль.
Вот они сели на лавочку — лица
солнцу подставив, безмолвье любя.
Что стариков, что таджиков — столица
не замечает — кроме себя.
Так и живут эти трое: таджичка,
анахронизмы, Москва?
Четверо: я — перелётная птичка,
что подбирает к марту слова.

451

Долго, долго, долго
я на свете жил,
и кого я только
ни похоронил:

папу, маму, друга,
родину, любовь.
Завывает вьюга.
Замерзает кровь.

Скатертью дорога
в небеса зимы.
Подожди немного,
отдохнём и мы.

452

Ещё вспоминали вчера обо мне
прибрежных песчинок часы.
И листья акаций шептали, что не
расставлены точки росы.

Казалось бы — снова прозрачен и тих
подлунный и солнечный мир,
как стих, существующий без запятых,
как зимних берёз штрихпунктир.

Ещё зеленела морская вода,
и пчёлы летали, гудя,
которых уже не прочесть никогда,
как азбуку Морзе дождя.

453

В подмосковном доме у Вадима
крови изменяется состав.
Жизнь не зарифмованная — мимо
пролетела, как ж/д состав.

Вот пожить бы так среди природы:
леса, резеды, июньских пчёл —
заказные сурдопереводы
счастья, что когда-то не прочёл.

«А» и «Я» родной и чуждой речи —
коиими с рожденья награждён —
в тишине и выпуклей и резче,
как листва промытая дождём.

Граппа и маслята разморили —
два в одном: и Гамлет и Фальстаф...
В подмосковном доме у Марины
крови изменяется состав.

Родина? Отечество? Привычка?
Табурет, пенька и канитель.
И домой уносит электричка
навсегда — за тридевять земель.

454

С. З.

Переполняется сердце виной
и безнадёгой душа —
это как в теннис играть со стеной,
смэшами стену круша.

Это — сначала смешно, а потом
неврастенический плач:
в пух превратился железобетон,
в прах превращается мяч.

Это дешёвых сравнений кошмар,
дурка метафор ночных;
это страна и Победы, и нар,
вдруг примилившая их.

Это — страна? Это — я? Это — ты?
Мы, а не кто-то другой...
Наш пятисетовик до темноты
выбелен вьюгой-вьюгой.

Так и живём, будто корку жуём,
мякиш отдав старику,
вооружившись сапожным ножом,
как повелось на веку.

455–457. Мазилово

1

Берёзы,
золотом звеня,
сквозь слёзы
смотрят на меня.

А я,
как мёртвый на живых,
из ноября
смотрю на них.

2

Было: черным-черно.
Стало: белым-бело.
Долго смотрю в окно
сквозь тишины стекло.

Нет и не будет сна —
будет пунктир берёз.
Вдребезги тишина
под перестук колёс.

3

Надо тратиться, тратиться, тратиться,
навсегда приходя,
где берёз чёрно-белые платица
сохнут после дождя.

Траты новые, новые, новые,
уходя навсегда,
где вечерние платья еловые
украшает звезда.

458

Сногшибательная кома —
даром, что живой:
из окна чужого дома
я смотрю на свой.

Я смотрю уже лет сорок
или сорок пять:
очаровывает морок
мальчика опять.

А в окне напротив мама
и в окне отец:
мандельштамовская яма,
метроном сердец.

Я смотрю, не отрывая
взгляда от окна,
словно рана ножевая,
пролегла вина.

Против лома нет приёма?
В омут с головой:
из окна чужого дома
я смотрю на свой.

Облетели все деревья —
улетят вот-вот.
А в окне чужое время
жизнь мою живёт.

459

Из бытия в небытиё,
где размываются детали,
и бабочка, и тень её
весь день зигзагами летали.

Пока не наступила тьма
и крест поставила на этом...
Летала бабочка сама,
довольствуясь фонарным светом.

460

Испепелённость тополей,
обугленность берёз...
И безнадежней и светлей
от набежавших слёз.

Вот так бы век смотрел, пока
от счастья не ослеп,
на падающий свысока
потусторонний снег.

461

Если не продажа — так аренда.
Жизни безголосый минарет.
Припять? Пина? Нет, скорее Брента, —
рыжего заката пинский бред.

Если не любовь — тогда разлука.
Если не мечта — тогда конец.
Глухота заваренного люка
в пустоте не любящих сердец.

А рыбак, как шлюха на клиента,
смотрит улыбаясь и косясь.
И течёт, течёт по венам Лета.
И клюёт, клюёт незримый язь.

462

Покуда листик не догнал
идущего меня,
все разговоры про финал —
обычная фигня.

Лети, не торопись, за мной,
покуда не конец:
кленовый, жёлтый, кружевной,
как в детстве леденец.

Лети — не наперегонки,
летится и лети
до замерзающей реки
при минус десяти.

Лети — безвременью назло,
как солнечные дни...
О, как пожатье тяжело
кленовой пятерни!

463

Видишь: приходят составы с углём,
синее небо над родиной хмурой.
Выпьём по первой и снова нальём,
третью занюхаем мануфактурой.

Слышишь: февральские птицы поют.
Помнишь, как птицы весенние пели?
Снова сменив коммунальный уют,
во поле разбушевались метели.

И намело, намело, намело.
И замело и столицы, и веси.
И окончательно стало бело.
И не дождаться весенних известий.

Мы, на морозном балконе куря,
тары ведём, растабары лелеем.
И понимаем, что прожили зря,
бунинским уподобляясь аллеям.

Позарастили, как стежки, былём.
Быть перестали Гагариным Юрой.
Видишь: приходят составы с углём,
чёрное небо над родиной хмурой.

И, возвратившись с балкона в тепло
и наливая остатки в гранёный,
двадцать проклятое слышим число,
будто бы марш похоронный.

464

В стране берёзового ситца,
где у небес бездонно дно,
мне посчастливилось родиться,
а умереть не суждено.

Что ж, ситец по дешёвке спущен
и вычерпаны небеса...
Но к Пушкину заехал Пущин
на четверть, может быть, часа.

И замирает быстротечность,
и потекли мгновенья вспять.
И лишь на Болдинскую вечность
нам остаётся уповать.

Содержание

Ф. Чечик. Необязательное предисловие 7

«Не подавая виду...» 13

Муравейник

1. Детство 15
- 2–7. Школьный вальс
  1. «Камень, ножницы, бумага...» 15
  2. Записка 16
  3. «Неравная борьба...» 16
  4. 10-й «Д» 16
  5. «На пронзительной ноте прощальной...» 17
  6. «Да мало ли, что остановит...» 17
8. «Парк культуры и отдыха. Лето...» 18
- 9–10. Морские и пресноводные
  1. «И — как ветер листву — вдруг сорвал, завертел...» 18
  2. «Глубоководный водолаз...» 19
11. «Дождю спасибо — усypил...» 20
12. У моря 20
13. «Петушок на палочке...» 20
14. «Играет пианист в квартире...» 21
15. Перелётная птица 22
16. «Меня будильник не вернул с того на этот свет...» 22
17. «Исповедуюсь перед...» 22
18. Из жизни фауны и флоры 23
19. «Тучи по небу летали...» 23
20. «Куда вы, муравьи?...» 24
21. Королёв 24
22. «В марихуанном, и не только...» 25
23. «А на просвет кленовый лист...» 26
24. Она беременна... 26
25. «Мне ветер рот законопатил...» 27
26. «Что нам Рим, если Рига под боком...» 28
27. «Нас двое — третий лишний...» 28
28. «Точно по Соколову...» 29
29. «Скользить на одной, про другую...» 30
30. Сестра 30
31. «Непредсказуемы вначале...» 31
32. «Лист сорвался, но кружит, как будто...» 31
33. «Не будем всё-таки о грустном...» 32
34. «Не за красивые глаза...» 32
35. «Ты действительно думаешь, что...» 33
36. «Я сяду на троллейбус — „бэшку“...» 33

37. «Я подарю тебе клетку...» 33
38. «Спи, пограничник, вполглаза...» 34
39. «Мимо Ваганьково на 23-м...» 34
40. «Отдохнуть от всего. Но сначала...» 35
41. «Я выйду из леса. Я стану как вы...» 35
42. «Что там колышется на ветру?...» 36
43. «Не скакать перед ними на задних...» 37
44. «Лыжня теряется вдали...» 37
45. «С высоты, и не птичьего даже...» 37
46. «Стихи о зиме...» 38
47. «Тебе не кажется, что время...» 38
48. «Голубизна переходит...» 39
49. «Когда сомневался Мефодий...» 39
50. «Что касается грешного...» 40
51. «Три аккорда и не больше...» 40
52. «Я в этой упряжке давно...» 41
- 53–56. Дембельский альбом
1. «Звёздное небо — как пристань...» 42
  2. «В долг возьми щепотку соли...» 42
  3. «О чём?.. О чём угодно...» 43
  4. «проверяла на вшивость меня...» 44
57. Пинску 44
58. «Не валерьянка, но валокордин...» 44
59. Сыну 45
60. «Я выйду на Красную площадь...» 45
61. Сельскохозяйственный романс 46
62. «Лежать, по сторонам глаза...» 47
63. «Танцуют тени на стене...» 47
64. «Карл не крал. Наговор и поклёп...» 48
65. «Безгрешен, говоришь. Быть может...» 49
66. «Полуобнажённую девицу...» 49
67. «У колорадского жука...» 49
68. «Как бы очнувшись ото сна...» 50
69. «И лампочка посередине...» 51
70. «И поцелуй, вздохи, взгляды...» 51
71. «Как любил я стихи Соколова!..» 51
72. «Гэдээровской кукле не спится...» 52
73. «Не дышать — затаиться...» 53
- 74–75. Восемь строк...
1. «Восемь строк — восьмистишие...» 53
  2. «Восемь строк — безделушка...» 54
76. «Однодневная щетина...» 54
- 77–79. С. Г.
1. «Уехать на попутке...» 54
  2. «Автобус ждать на остановке...» 55
  3. «Пожелайте шедевра...» 55
80. «Изобретатель тишины...» 56
81. «белкой по древу познания стрелкой...» 56
82. «На Сиреневом бульваре...» 57

83. «Ты героиня моего...» 57
 84. «Польхают осины — синим...» 58
 85. «поджав колени к животу...» 58
 86. «После ливня — голубое...» 59
 87. «Только резких движений не надо...» 59
 88. «По дорожке...» 59
 89. «Виночерпий, твоя оскудела рука?...» 60
 90. «То не боль головная...» 60
 91. «Картофельной ботвы побеги...» 61
 92. «Бурундийская бабочка на голубом...» 61
 93. «Что я знаю про время?...» 62
 94–95. Бабочка
 1. «Благодатью ли Божьей...» 62
 2. «Это — бабочка, слышишь...» 63

АЛТЫН

96. «За полётом шмеля, но под музыку Шнитке...» 63
 97. «Мы не Георгия Иванова...» 64
 98. «Вот сидит человек...» 64
 99. «Листья жгут, и осенний...» 64
 100. «Тишина в темноте, как в квадрате...» 65
 101. Семидесятые 65
 102. «Я боюсь, что я назад...» 66
 103. «Ничего мне не жалко для сына...» 66
 104. «Оттоптали ноги...» 67
 105. «сокрушаясь по поводу...» 67
 106. «Август. Полдень. На окнах сетка...» 68
 107. «Мастерская кузнечика...» 68
 108. «Вести двойную жизнь, скрывая...» 68
 109. Акварель 69
 110. Провинциалы 69
 111. Lithuania 70
 112. «Всю ночь скрипеть пером при свете...» 70
 113. «3 ряд...» 71
 114. «Имитация счастья — блесна...» 71
 115. «Перчатки, варежки — помеха...» 72
 116. «На чайной ложечке листа...» 73
 117. «Туда-сюда, туда-сюда und weiter...» 73
 118. Мой Пегас 73
 119. «Засыпаю без задних...» 74
 120. «Начало любви я веду от конца...» 74
 121. «Переливающихся рос...» 75
 122. «Это — не ветер и холод...» 75
 123. Отец 75
 124. «Недостающее звено...» 76
 125. «Беги!..» 76
 126. Определение любви 77

- 127–131. Эскизы
1. «оскоминный зелёный...» 77
  2. «паутинная заплатка...» 77
  3. «белая кружка с каёмкой...» 78
  4. «лоза орешник ива...» 78
  5. «я речной песок...» 78
132. «Легко ли — сказала левкоя...» 79
133. «Осенним парком, где с веслом стоит дивчина...» 79
134. «Запишу я на плёнку любовь и печаль...» 79
- 135–138. Дембельский альбом – 2
1. «Засыпаю на ходу...» 80
  2. «Я не вернусь из самоволки...» 80
  3. «То сено, то солома...» 81
  4. «Я два года отрубил...» 81
139. «Тяжело уберечься...» 82
140. Батюшков 82
141. «по водной глади провести...» 83
142. «Пение птицы на фоне...» 83
143. «Промежуточный финиш...» 84
144. «Илья-пророк пописал в реку...» 84
145. Тема 85
146. «Я люблю со стариками...» 85
147. «ветер берёзовый...» 86
148. «Состарюсь на твоих глазах...» 86
149. «перламутровая муха...» 86
150. «Говоришь — повезло. Повезло...» 87
151. «и спросу никакого...» 87
152. Жестокий романс 87
153. «проще...» 88

Ночное зрение

154. «Измученный правдой...» 88
155. «Запомни меня молодым...» 88
156. «Мы не мечтали о таком...» 89
157. «Квадратному дереву грустно...» 89
158. «Здесь всё другое: я другой...» 90
159. «Мои первые джинсы за 70 рэ...» 90
- 160–163. Малые мира сего
1. «Лёгкая, и легче не бывает...» 91
  2. «Как птах небесный в сети...» 91
  3. «вот и я говорю...» 92
  4. «Заручившись поддержкой...» 92
164. «На даче созрела клубника...» 92
165. «Отныне и навеки...» 93
166. «И смешно, и нелепо...» 93
167. «Ну, а если всерьёз, не валяя...» 94
168. «Пустота и горечь позади...» 94

169. «Что запомнил: снежинок круженье...» 95
 170. «У слияния трёх рек...» 95
 171. «Поговорим без посторонних...» 96
 172. «запрещённый приём...» 97
 173. «Задолго до седин...» 97
 174. «Спят взрослые и дети...» 98

Покуда Том и Гек

175. «как смола на сосне...» 98
 176. «Без унынья, без печали...» 99
 177. «Всё путём и сомнения нет...» 99
 178–181. Начало
 1. «помятые бока...» 100
 2. «только поосторожнее...» 100
 3. «вот и приехали...» 100
 4. «Бессмертен человек...» 101
 182. «воздушный путь...» 101
 183. «И небо высохло, и вычерпали Пину...» 101
 184. «От „Елисеевского“ на Тверской...» 102
 185. «Без всяких стараний...» 102
 186. «Январской бабочки полёт...» 103
 187. «Хотелось бы без слов...» 103
 188. «Проснуться до шести...» 103
 189. «Мороз за тридцать, школа на замке...» 104
 190. «обнаруженная двушка...» 104
 191. «Так неприятно, так некстати...» 105
 192. «Человечество подразделяется на...» 105
 193. «освобождение суля...» 106
 194. «незабудка плакала...» 106

Стихи для галочки

195. «Это как если бы я возвратился...» 107
 196. «как снегом занесённый куст...» 107
 197. «Или в Вологде, или...» 108
 198. «Двенадцать лет и в горле ком...» 108
 199. «Ни с того ни с сего возвратились ко мне...» 108
 200. «Забивали на труд, выпивали на „Правде“...» 109
 201. «Покуда зеленели вязы...» 110
 202–204. Это...
 1. «это если от МКАДа...» 111
 2. «это Ленинские нет...» 111
 3. «это если от „Пушки“ по Бронной...» 112
 205. «Грех жаловаться, и всё же...» 112
 206. «Летним утром на море...» 113
 207. По имени-отчеству 113

208. «Как безударные гласные...» 114
 209. Гражданская лирика 114
 210. «Как будто капли с рук...» 115
 211. «Пока не вышел вон...» 115
 212. «Мой брат, на склоне дней...» 116
 213. «Как если бы кто-то...» 116
 214. Дядя 116
 215. «Ах, пани Марыля...» 117
 216. «от прокуренных жабр что толку на дне морском...» 118
 217. «Твоё из прошлой жизни фото...» 118
 218. «На ветке просто так...» 118
 219. «И напрямиком со школьной парты...» 119
 220. Колыбельная 119
 221. «Прости мне, Господи, стихи...» 120

Неформат

222. «Дорогая Наталия Георгиевна!..» 120
 223. «Учиться влом, в любви облом...» 122
 224. «Хороша ли погода в Париже?..» 123
 225. «А крылья мотылька...» 123
 226. «я оборвал на полу...» 123
 227. «Хватит о воде и вате...» 124
 228. Бабушка 124
 229. «Покуда в городской пыли...» 125
 230. «Не пей с Валерой, — говорил...» 125
 231. «Воздушный змей...» 126
 232. Металловедение 126
 233–239. Без дождя
 1. «И всё чаще, год от года...» 127
 2. «А у дождя походка лисья...» 127
 3. «Дождь вторые сутки — чем не...» 128
 4. «Дождь прекратился — криво...» 128
 5. «на рояле...» 128
 6. «Выдавливая из себя...» 129
 7. «Живут же где-то...» 129
 240. «Не веришь в загробную...» 129
 241. «Нет, я благодарен, конечно, по гроб...» 130
 242. «воробы и трясогузки...» 130
 243. «Забудется „где“...» 131
 244. «От слов кружится голова...» 131
 245. «Перечитывая прозу...» 131
 246. «ему ему ему...» 132
 247. «Не удержала — цадик, грешник...» 132
 248. «Не усложняй! И так всё сложно...» 132
 249. «Не объедки, нет, а крохи...» 133
 250. «Какие наши годы?..» 133
 251. «Ты царь...» 134

252. «Какая лёгкая походка!..» 134
 253. «Двух пташек из окна...» 134
 254. «Поэзия — не что иное...» 135
 255. «Просто сердце отключим...» 135
 256. «Даже не думай об этом...» 135
 257. «играю на расчёске...» 136
 258. «При неизбежном расставании...» 136
 259. «Питаюсь мякотью налива...» 136
 260. «По старой армейской привычке...» 137
 261. «Гаэтано Доницетти...» 137
 262. «И вроде бы надо...» 137
 263. «Никогда ещё не поздно...» 138
 264. «Долго ли, коротко ли...» 138
 265. «Полночь. Сердце. Неотложка...» 139
 266. «Если ростом не вышел...» 139
 267. «Слово за слово... Снова и снова...» 139
 268. «В ус не дую и, пока...» 140
 269. «Это присказка, это не сказка...» 140
 270. «Примерил на себя...» 140

Своими словами

271. «Как Рембо — завязать навсегда...» 141
 272. «Боже, на время любви и стряпни...» 141
 273. «Забиться ли в угол, забиться ли сном...» 142
 274. «в зависимости от...» 142
 275. «Ноябрьское небо опустится...» 143
 276. «Господи, освободи из клетки...» 143
 277–281. Родители
 1. «Мишу рифмуй и Симу...» 144
 2. «не средиземное чёрное...» 145
 3. «Плыть потому и затем лишь...» 145
 4. «„Журавли“ не Гамзатова...» 145
 5. «Говорят, что я на папу...» 146
 282. «Смотрел на стрекоз, любовался на пчёл...» 146
 283. «Я слов не нахожу...» 146
 284. «В трудах и заботах о хлебе...» 147
 285. «Куда же ты? Постой!..» 147
 286. «Я скоро две трети...» 147
 287. «Закругляя углы постепенно...» 148
 288. «Я часами сижу у окна...» 148
 289–290. Собачий вальс
 1. «Полночных звёзд огни...» 148
 2. «Ночь тиха. Собака рядом...» 149
 291. «Прямиком из коляски...» 150
 292. «Какая долгая дорога...» 150
 293. «Проснуться затемно, пока...» 150
 294. «Рукой зачерпни и смотри не пролей...» 151

295. «Лобзиком по фанере...» 151
 296. Из детского альбома 151
 297–298. Полёт пчелы
 1. «Летите и не обессудьте...» 152
 2. «Забудь о том, что время истекло...» 152
 299. «На чистую воду...» 153
 300. «Я вишу магнитиком Made in China...» 153
 301. «Во двор зайду — в котором время...» 153
 302. Бах 154
 303. «Я полмесяца — каждое утро...» 154
 304. «Я заплачу неустойку...» 154
 305. «Ялта. Съёмка „Буратино“...» 155
 306. «Предупреди меня, пожалуйста...» 156
 307. «Я не был никогда...» 156

Новая

308. «В этом бизнесе ты лет, как минимум, сто...» 156
 309. «Обратите внимание на...» 157
 310. «Поставят на уши весь двор...» 157
 311–315. Из жизни насекомых
 1. «Комар в морозном декабре...» 158
 2. «Я дожил до седин...» 158
 3. «В лесу, в пустыне и в степи...» 159
 4. «Столкнулся с бабочкой — лоб в лоб...» 159
 5. «Если пристально взглядеться...» 159
 316. «Хорошо, если несколько стих., но скорее всего...» 160
 317. На рынке 160
 318. «Она ему читает Чехова...» 161
 319–320. Нерест
 1. «Плавниковых крыльев шелест...» 161
 2. «Переступая через...» 162
 321. Баллада 162
 322. «Как медленно, медленно время течёт...» 163
 323. «Долго взглядом провожали...» 163
 324. «Заливается, смеётся...» 163
 325. «Еду на велосипеде...» 164
 326. «С увеличительным стеклом...» 164
 327. «Не орёл — я поставил на решку...» 165
 328. «Не сворачивая — прямо...» 165
 329. «Реже листья. И всё тише-тише...» 166
 330. «Мы были птицами. Сейчас...» 166
 331. «Младенец пахнет лесом, полем...» 166
 332. «С годами мы стали...» 167
 333. «Работа, дом, работа, дом, а завтра...» 167
 334. «Выйти в русское поле...» 167
 335. «зачем ты вторишь...» 168
 336. «И, не заламывая руки...» 168

337. «За язык не тянули, я сам...» 168
 338. «Чиркнуть о стену, а не...» 169
 339. «С жизнью играли...» 169
 340. «Друг, на время февральской стужи...» 169
 341. «И мы, погружаясь в туман-аммиак...» 170
 342. «Макулатура...» 170
 343–345. Молодость моя...
 1. «Металлические перья...» 171
 2. «Бабушка Фрума...» 172
 3. «Не Белоруссия!...» 173
 346. «Засыпаю, сплю и вижу...» 173
 347. «В прекрасном прошлом было всяко...» 173
 348. «Страшнее подвала я в жизни не знал ничего...» 174
 349. «На поминках пьётся как нигде...» 174
 350. «Фея, сестрёнка, голуба...» 175
 351. «На балконе, куря после третьей...» 175
 352. «Обложка, обложка, обложка...» 176
 353. Мишка 176
 354. Ресницы 178
 355. На уроке домоводства 181

Беспорядочные связи

356. «Заслушаешься Каравайчуком...» 183
 357. «Па ягады і за грыбаі...» 184
 358. «Не судья ни ему и ни ей...» 184
 359–366. СПб – МСК
 1. «А на Марсовом поле сирень...» 185
 2. «Дождь в Екатерининском саду...» 186
 3. «Первый ужас — колом...» 186
 4. «Ты — Ахматова, я — Гумилёв...» 186
 5. «Очередь за красотой тосклива...» 187
 6. «Небо. Царскосельские деревья...» 187
 7. «Прогуливаясь возле дома...» 188
 8. «Как светотень среди деревьев...» 188
 367. «А помнишь, как Антонова...» 189
 368. «Воспоминаний сухая солома...» 189
 369. «„Не сутулься“, — говорила мама...» 190
 370. «Немота воробьиного слова...» 191
 371–373. Лена, Ира...
 1. «Помнишь Лену Сорокину?..» 191
 2. «Отпусти меня, Лена Сорокина...» 192
 3. «Как сказала однажды мне Ира...» 192
 374. «Мы с тобой такие крохи...» 193
 375. «Вот и славно, вот и ладушки...» 194
 376. «Из орешника, а лучше из лозы...» 194
 377. «Жесть — это жесть, а не то, что подумали вы...» 194
 378. «Ехали на юг, ехали на юг, ехали на юг...» 195

379. «подошёл ко мне...» 195
 380. «В музыке отсутствующей речи...» 197
 381. «Едет, не сворачивая, прямо...» 197
 382. «Лишь однажды видел Инну...» 198
 383. «Отбился от стаи и стал вожаком...» 198
 384. Кёльн – Амстердам 199
 385. На вокзале 200
 386. «Не веря на слово и слову...» 200

Избранное

387. «Жак-Ив Кусто, зачем тебе земля?...» 201
 388. «То ли пеночка, то ли пищуха...» 202
 389. «Не для форсу, не для лоску...» 202
 390. «Что-нибудь про навоз и надой...» 203
 391. «Камыши молчат, камыши...» 203
 392. «Октябрь уж наступил... На сердце вёдро...» 204
 393. Другу 204
 394. «Без надежды и без цели...» 205
 395. «Это ты на снимке? — Да...» 205
 396. «Нет, не вправе завидовать Осе...» 206
 397. «Поматросил время и подбросил...» 207
 398. «Видишь, обезвоженные травы...» 207
 399. «Мы навсегда остались теми...» 208
 400. «Уважаемый свет...» 209
 401. «Вдали от шума городского...» 209

Хорошо забытое

- 402–403. Стихи Юлиане
 1. Русское поле 210
 2. Византийские стансы 210
 404. «Когда Минздрав предупреждал...» 211
 405. «Знание — бессилье. Старость...» 212
 406. «Здесь — понятно. А там?...» 213
 407. «Сердце просто не может не петь...» 213

Оптика

408. «И я обращаюсь к отцу...» 214
 409. «И сума, и тюрьма, и себе на уме...» 214
 410. «Соответствуя годам...» 215
 411. «Затянув: тра-та-та, тра-та-та...» 215
 412. «Виолончели...» 216
 413–415. Филфак
 1. «Поэт сказал однажды о часах...» 217

2. «Жизнь под откос, как бронепоезд, пущена...» 217
3. «Убив и воскрешая вновь...» 217
416. «Человеку надо мало...» 218
417. «Сидя в сквере и водку пия...» 218
418. «Я на седьмом десятке...» 219
419. «Милый Вольфи в парике-барашке...» 219
420. «Вдоль по берегу морскому...» 220
421. «Белым ангелом больница...» 220
422. «Когда меня мочили сапогами...» 221
423. Памяти Донны 222
424. «На чёрной речке, да на чёрной речке...» 223
425. «Завидую тому, кто мало...» 223
426. «У Цветаевых в городе А...» 224
427. «В лесопарке снегири...» 224

Трудовая книжка

428. Гамлет 225
429. «Грациозны, чисты, бесподобны, зигзагообразны...» 225
- 430–433. Вернуться
  1. «Не опечатка, не описка...» 226
  2. «Покуда жил, пока...» 226
  3. «Мой родны кут...» 227
  4. «Как неожиданно, что снова...» 227
434. «Сирень — дым без огня...» 228
435. «Сохранил — не любой, но ценой...» 228
436. «Заблудился в Иерусалиме...» 229
437. «Пока Траволта с Умой Турман...» 229
- 438–440. При вратах
  1. «О превратностях судьбы не споря...» 230
  2. «Волны, набегающие ратно...» 231
  3. «Ни зная ни счастья, ни горя...» 231
441. «В Париже ковидом болея...» 232
442. «Время метели. Окна...» 232
- 443–445. В порядке бреда
  1. «Не итог, но меня подвели...» 233
  2. «15-го — утро — октября...» 233
  3. «Жить в Торжке, читая Марка Твена...» 234

Из будущей книги

446. «Февральских бабочек полёт...» 235
447. «Снегопад. Деревьев сажа...» 235
448. «Да, я из бывших. И бывалого...» 236
449. «Просыпаешься, всего лишь...» 236
450. «Солнце пригрело с утра, переключка...» 237
451. «Долго, долго, долго...» 237

452. «Ещё вспоминали вчера обо мне...» 238
453. «В подмосковном доме у Вадима...» 238
454. «Переполняется сердце виной...» 239
455–457. Мазилово
1. «Берёзы...» 240
2. «Было: черным-черно...» 240
3. «Надо тратиться, тратиться, тратиться...» 241
458. «Сногшибательная кома...» 241
459. «Из бытия в небытие...» 242
460. «Испепелённость тополей...» 242
461. «Если не продажа — так аренда...» 243
462. «Покуда листик не догнал...» 243
463. «Видишь: приходят составы с углём...» 244
464. «В стране берёзового ситца...» 245

«Синяя гора» — издательство
бумажных и электронных книг,
основанное поэтами
Андреем Фаицким
и Клементиной Ширшовой
в 2023 году.

Книги издательства можно приобрести

в России в магазинах:

Фаланстер

по адресу: г. Москва, ул. Тверская, д. 17
(вход с Малого Гнездниковского переулка,
ст. м. «Пушкинская», «Тверская», «Чеховская»)

Циолковский

по адресу: г. Москва, Пятницкий пер., д. 8
(в арку, подъезд справа, последний этаж,
ст. м. «Новокузнецкая»)

за границей в интернет-магазине:

NatashaKozmenko

по адресу: <https://www.nkbooksellers.com/>

Чечик Феликс Михайлович

СОЧИНЕНИЯ

Издатели: Андрей Фамицкий,
Клементина Ширшова
Дизайнер: Екатерина Мурашова

Подписано в печать 29.04.2025.
Формат 130 x 210 мм.
Гарнитура PT Serif.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
260 с. Тираж 100 экз.
Заказ № 2338-25.

Издание в авторской
орфографии и пунктуации.

18+. Книга содержит
нецензурную брань.

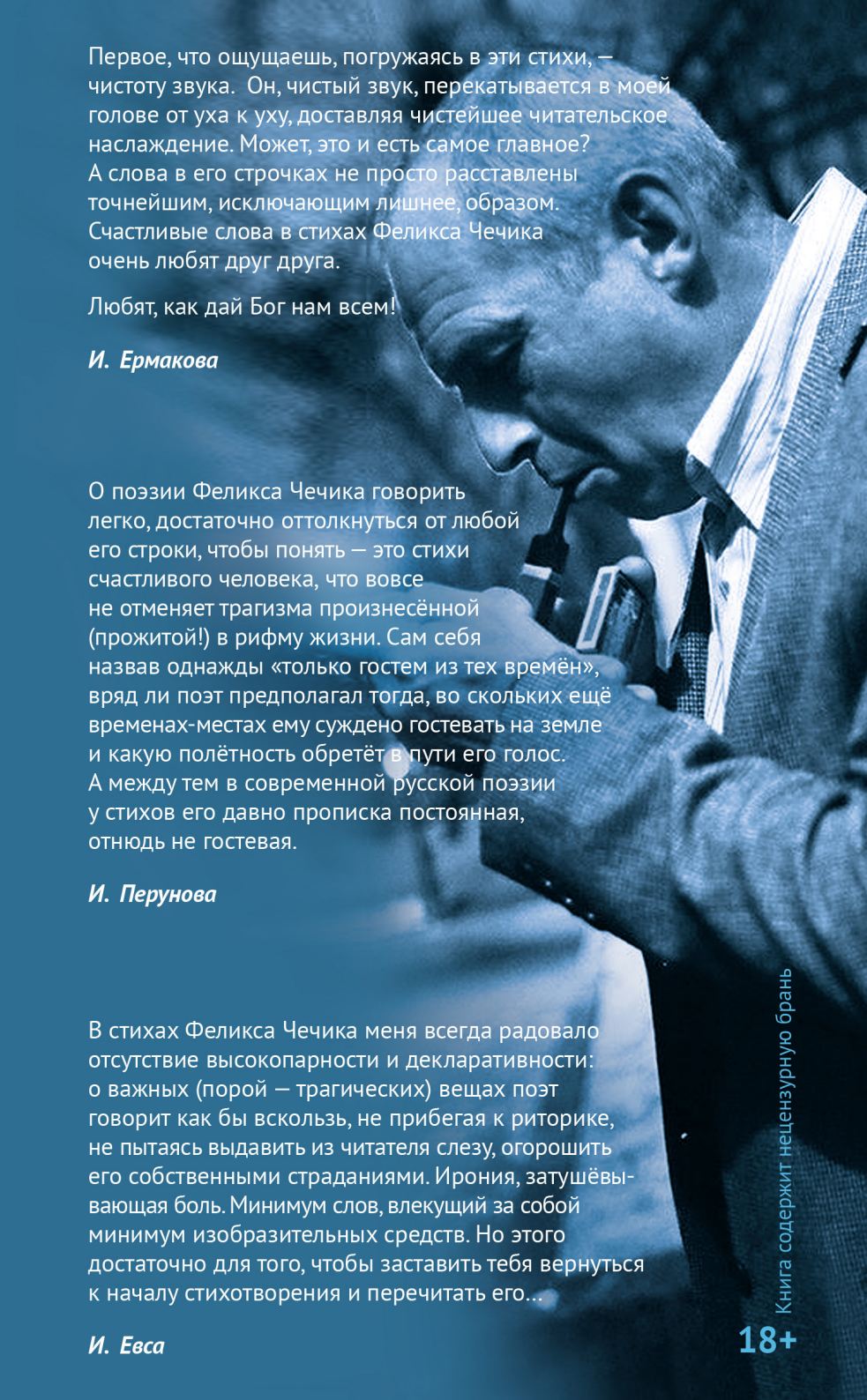
Издательство «Синяя гора»
Тел.: +7 (915) 184-44-28
+7 (919) 997-07-22
www.goraizdat.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в типографии «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У
www.amirit.ru

ISBN 978-5-00207-819-6

9 785002 078196 >

Первое, что ощущаешь, погружаясь в эти стихи, — чистоту звука. Он, чистый звук, перекачивается в моей голове от уха к уху, доставляя чистейшее читательское наслаждение. Может, это и есть самое главное? А слова в его строчках не просто расставлены точнейшим, исключая лишнее, образом. Счастливые слова в стихах Феликса Чечика очень любят друг друга.

Любят, как дай Бог нам всем!

И. Ермакова

О поэзии Феликса Чечика говорить легко, достаточно оттолкнуться от любой его строки, чтобы понять — это стихи счастливого человека, что вовсе не отменяет трагизма произнесённой (прожитой!) в рифму жизни. Сам себя назвав однажды «только гостем из тех времён», вряд ли поэт предполагал тогда, во скольких ещё временах-местах ему суждено гостевать на земле и какую полётность обретёт в пути его голос. А между тем в современной русской поэзии у стихов его давно прописка постоянная, отнюдь не гостевая.

И. Перунова

В стихах Феликса Чечика меня всегда радовало отсутствие высокопарности и декларативности: о важных (порой — трагических) вещах поэт говорит как бы вскользь, не прибегая к риторике, не пытаясь выдать из читателя слезу, огоршить его собственными страданиями. Ирония, затушёвывающая боль. Минимум слов, влекущий за собой минимум изобразительных средств. Но этого достаточно для того, чтобы заставить тебя вернуться к началу стихотворения и перечитать его...

И. Евса